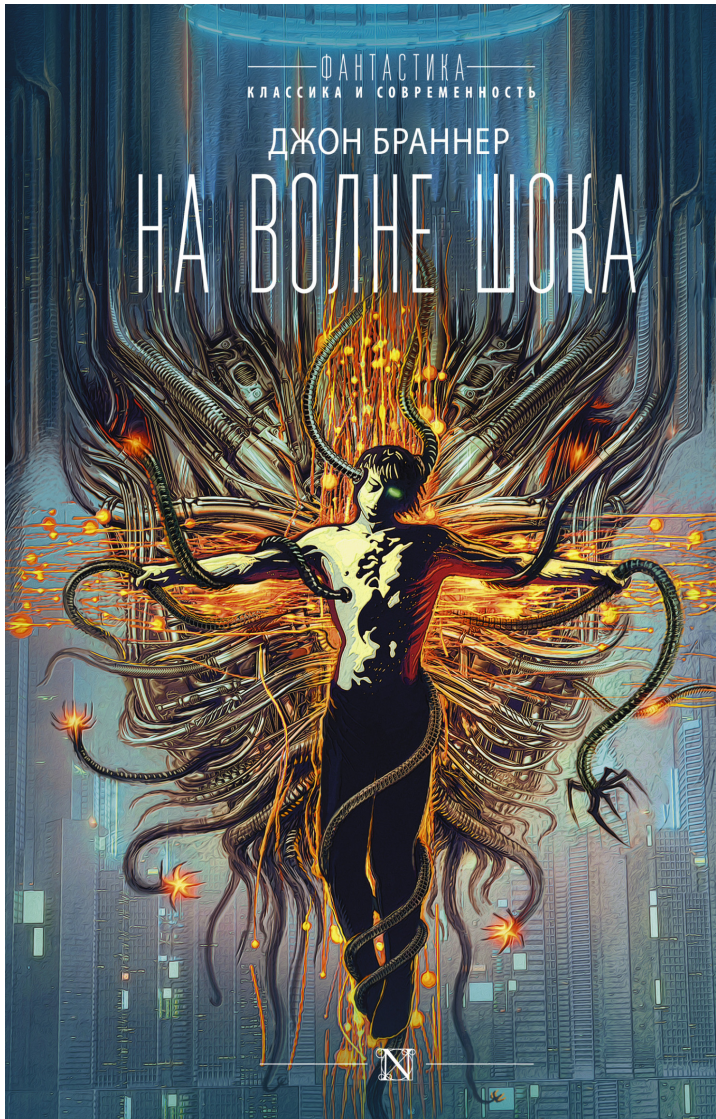


— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДЖОН БРАННЕР

НА ВОЛНЕ ШОКА



Джон Браннер
На волне шока
Серия «Фантастика:
классика и современность»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69285316

На волне шока: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-147340-2

Аннотация

2020 годы. Процессы обработки и передачи данных резко ускорились, и гонка вооружений уступила место гонке интеллектов. Но если каждый имеет доступ к информации, то должны быть и те, кто этой информацией оперирует – в своих интересах. Система, попирающая свободомыслие, – и хакеры, сражающиеся во имя всеобщей свободы. Америка, закручивающая гайки надзора до стального скрежета – и гении из трущоб, крохотные хитрые винтики, пускающие под откос великолепно смазанную государственную машину...

Содержание

Книга 1. (М)ученическое пособие

6

Конец ознакомительного фрагмента.

98

Джон Браннер

На волне шока

John Brunner

THE SHOCKWAVE RIDER

© Brunner Fact and Faction Ltd, 1975

© Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Выражения признательности

Такие люди, как я, озабоченные изображением средствами литературы примет неведомой страны под названием «будущее», в которую всех нас, хотим мы того или нет, однажды депортируют, не высасывают свои истории из пальца. Мы – и я в особенности – часто бываем в долгу перед теми, кто анализирует безграничные возможности завтрашнего дня с какой-нибудь практической целью, например, со слабой, но достойной восхищения надеждой на то, что наши дети получают от нас в наследство мир, куда более подвластный воображению и предвидению, чем наш собственный.

Сценарий (как сейчас модно говорить) романа «На волне шока» во многом продолжает линию побуждающего к серьезным размышлениям исследования Элвина Тоффлера

«Шок будущего», и потому я перед ним в большом долгу.

Д.К.Х.Б.

Книга 1. (М)ученическое пособие

Сентенция дня

Отхватите у них палец, и они дадут вам по рукам.

Режим извлечения данных

Мужчина в стальном кресле был так же гол, как белые стены вокруг него. Волосы повсюду тщательно сбриты, не тронули одни ресницы. Крохотные кусочки пластыря удерживали десятки датчиков на макушке, висках, у краешков рта, на горле, на каждом нервном узле до самых щиколоток.

Тонкие, как нити паутины, проводки тянулись от датчиков к единственному предмету, если не считать одного стального и двух мягких кресел, составлявших обстановку помещения. Этим предметом была консоль анализа данных два метра в ширину и полтора метра в высоту. На наклонном пульте управления, за которым было удобно работать из придвинутого мягкого кресла, расположилась куча дисплеев и сигнальных ламп.

К регулируемым штангам, торчащим из задней стенки консоли, были прикреплены микрофоны и тривизионная ка-

мера.

Кроме бритого наголо мужчины в комнате находились еще три человека: молодая женщина в обтягивающем белом комбинезоне, следившая за работой датчиков, худощавый чернокожий мужчина в модном бордовом камзоле, на груди – бирка с фотографией и именем Пол Т. Фримен¹, и кряжистый белый мужчина лет пятидесяти, одетый в синий костюм. Такая же бирка сообщала, что его зовут Ральф К. Хартц.

После продолжительного созерцания человека в кресле Хартц сказал:

– Значит, это и есть тот ловчила, что проник дальше всех, быстрее всех и на больший срок, чем кто-либо до него?

– Профессиональный путь Хафлингера действительно впечатляет, – кивнул Фримен. – Вы читали его досье?

– Естественно. Поэтому и приехал. Мной, возможно, движут несовременные мотивы, однако я хотел своими глазами увидеть человека, создавшего поразительное количество разных личностей. Проще спросить, за кого он себя не выдавал. Был дизайнером утопических коммун, консультантом по образу жизни, азартным игроком в «Дельфи», советником по компьютерному саботажу, системным рационализатором и бог знает кем еще.

– Священником, кстати, тоже, – напомнил Фримен. – Се-

¹ Freeman также имеет значение «вольноотпущенный раб» (здесь и далее прим. пер.).

годня мы подробнее займемся этой ролью. Меня удивляет, однако, не количество разных профессий, а непохожесть различных версий собственного «я».

– Того, что он будет пытаться замести следы самым неожиданным образом, следовало ожидать.

– Вы меня не так поняли. То, что он долго скрывался от нас, подразумевает умение избегать реакций, вызывающих эмоциональный перегруз, или контролировать их с помощью какого-нибудь обычного коммерческого нейролептика, каким вы или я смягчаем шок от переезда в новое жилище, причем относительно малыми дозами.

– Гм... – Хартц задумался. – Вы правы. Это просто удивительно. Вы готовы начать сеанс? Я не могу долго оставаться в Пареломе.

Девушка, затянутая в белый пластик, не поднимая головы, сказала:

– Да, сэр, он готов.

Ассистентка направилась к двери. Следуя приглашающему жесту Фримена, Хартц опустился в кресло и с сомнением произнес:

– Разве ему не требуется сделать какой-нибудь укол? Он выглядит спящим.

Устроившись поудобнее в кресле, Фримен ответил:

– Медикаменты тут ни при чем. Эффект производят токи, подводимые к двигательным центрам. Мы в этом специалисты, как вы знаете. Достаточно повернуть вон тот выключатель.

чатель, и субъект придет в сознание, но свободы передвижения, естественно, не получит. Импульса хватит лишь для обстоятельного ответа на вопросы. Кстати, прежде чем его будить, я объясню, что мы будем делать. Вчера я сделал перерыв, нащупав невероятно сильно заряженный образ, поэтому сейчас хочу выполнить регрессию к нужной дате и введу те же данные – посмотрим, что получится.

– Какой образ?

– Девочки лет десяти, сломя голову бегущей в крошечной темноте.

В целях идентификации

На данный момент меня зовут Артур Эдвард Лазарь, я профессиональный служитель культа сорока шести лет, давший обет безбрачия, основатель и владелец Церкви бесконечного прозрения в перепрофилированном (с чего же еще начинать новой церкви, как не с успешного перепрофилирования чужих верований?) открытом кинотеатре для автомобилистов близ Толедо, штат Огайо. Кинотеатр простоял несколько лет бесхозным – не потому, что люди перестали смотреть кино: фильмы еще выпускают, и желающих посмотреть широкоформатное порно вроде того, из-за которого пиратские трехмерные спутники быстренько обнучивают на орбите, хватает, – но потому, что бывший кинотеатр оказался на ничейной полосе, на которую точили зубы про-

тестантское племя «Царства Билла» и католики-граалисты. Однако и те, и другие обычно не трогали церкви, а территория ближайшего мусульманского племени – «младенцев джихада» – находилась в десяти милях на западе.

Последние шесть лет я пользуюсь кодом с маркером 4GH.

Памятка для своих «я»: надо выяснить, не произошли ли какие-нибудь изменения в статусе 4GH и, главное, не ввели ли чего получше. Такая задачка заслуживает серьезных усилий.

Магер-шелал-хаиш-баз²

Девочка бежала, ослепленная горем, под небесами, усеянными тысячами ложных звезд, что двигались быстрее минутной стрелки. Ночной июньский воздух царапал горло пылью, каждая мышца ног, живота и даже рук болела, но она продолжала бег с максимальной быстротой, на какую была способна. Стояла такая духота, что выбегавшие из глаз слезы тут же высыхали.

Иногда попадались участки относительно ровной дороги – много лет не знавшей ремонта, но еще сносной; иногда приходилось бежать по местности, где, вероятно, раньше стояли заводы, теперь перенесенные владельцами на ор-

² *Магер-шелал-хаиш-баз* (спешит грабеж, торопится добыча) (Ис. 8:1, 3) – предостережение, которое пророк Исаия написал на свитке, и имя, которое он позже дал своему сыну как знамение грядущих бед.

биту, или дома, разоренные племенами во время какого-нибудь давно позабытого бунта.

Впереди сквозь темноту проступали огни и освещенные рекламные щиты на обочине автострады. Три щита рекламировали церковь, предлагая бесплатные дельфийские консультации для зарегистрированной паствы.

Дико озираясь вокруг, часто моргая, чтобы лучше видеть, девочка заметила уродливый разноцветный купол, похожий на абажур, сделанный из рыбы фугу, надутой до размеров кита.

Следя за ней с надежного расстояния по сигналам электронной метки, спрятанной в бумажном платице, единственной одежде девочки помимо сандалий, человек в электрокаре подавил зевок и мысленно пожелал, чтобы его задание в этот воскресный вечер не отняло слишком много времени и не оказалось слишком скучным.

Невеликий $n(p)$ орок во чреве кита

Его преподобие Лазарь не только заведовал церковью, но и жил в ней – в трейлере, стоящем за алтарем косморамы двадцатиметровой высоты, который когда-то служил проекционным экраном кинотеатра. Где еще профессиональному проповеднику найти уединение и столько свободного пространства?

Лазарь сидел в одиночестве за столом крохотного кабине-

та в носовой части трейлера и подсчитывал дневную выручку под гул компрессора, поддерживавшего в надутом состоянии разноцветный пластиковый купол триста метров в диаметре и двести метров в высоту.

Святой отец хмурился. Сделка с группой куликов, поставлявших музыку для богослужений, была заключена на процентной основе, однако от него требовалось гарантировать присутствие не меньше тысячи прихожан, а посещаемость по мере затухания новизны церкви падала. Сегодня явились всего семьсот человек. Когда люди после службы возвращались на автостраду, даже пробки не возникло.

Еще больше Лазаря тревожило то, что впервые за девять месяцев после открытия церкви дневной сбор состоял больше из расписок, чем из наличных денег. Наличных денег в обращении оставалось мало – по крайней мере, на этом континенте. Исключение составляли зоны платных лиценцев, где людям платили федеральные пособия за отказ от пользования наиболее дорогими игрушками двадцать первого века. Однако активирование соединения с федеральным кредитным вычислительным центром в воскресенье, день дежурного отключения системы, грозило серьезным штрафом, превышавшим финансовые возможности большинства церквей. Его церковь не была исключением. Поэтому паства обычно не забывала приносить с собой монеты или банкноты либо книжечку расписок-ваучеров, выданную в день регистрации.

Проблема с расписками состояла – как он знал из преж-

него опыта – в том, что после предъявления их на следующий день в банке не меньше половины вернут назад со штампом «НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНО». Чем выше сумма залога, тем чаще это случалось. Некоторые из расписок принесли люди, настолько глубоко увязшие в беспросветных долгах, что компьютеры запретили им тратить средства на что-либо еще кроме самого необходимого. Любой новый культ неизбежно привлекал толпы пострадавших от шока наступившего будущего. Другие расписки еще до утра отзывались из-за семейных неурядиц: «Сколько-сколько ты обязался внести? О господи! За что мне такое наказание?! Немедленно отмени!»

И все-таки кое-кто из прихожан по недалекости проявлял щедрость. На столе лежала стопка из пятидесяти медных долларов, за которые любая фирма электроники даст три сотни – добываемые на астероидах руды содержали в основном металлы низкой проводимости. Деньги запрещалось сдавать в металлолом, но все это делали и потом говорили, что нашли старый сотейник на чердаке бэушного дома или откопали во дворе остатки старого кабеля.

На досках объявлений «Дельфи» высокой популярностью пользовалось предсказание, что доллары очередной эмиссии будут сделаны из пластика сроком годности один-два года. Ну и plus ça только карманная мелочь, plus c'est биоразлагаемая...

Лазарь ссыпал доллары в плавильную печь, не пересчитывая – платили по весу слитка, и занялся еще одним делом,

которое требовалось закончить до наступления утра, – анализом формуляров «Дельфи», заполненных паствой. Их было намного меньше, чем в апреле. В то время он рассчитывал получать тысячу четыреста или полторы тысячи штук в сутки. Сегодняшний надой не составлял и половины. Но даже семьсот с лишним мнений давали куда более широкий разброс, не шедший ни в какое сравнение с индивидуальным анкетированием, особенно в периоды, когда население переживало жестокую депрессию или какой-нибудь еще кризис образа жизни.

Вся без исключения паства Лазаря не вылезала из бесконечного кризиса образа жизни.

Опросник представлял собой набор смелых утверждений, каждое из них кратко формулировало какую-нибудь личную проблему, после чего следовали пропуски, куда уплатившие взносы члены церкви могли вписать предлагаемое решение. Сегодняшний формуляр состоял из девяти пунктов – жалкого отголоска славных весенних дней, когда вопросы переползали аж на вторую страницу. Видимо, кто-то распустил слух: «В последний раз нам предложили дельфировать всего девять пунктов. А значит, в следующее воскресенье...»

*Что является антонимом выражения «снежный ком»?
Тающий ком?*

Лазарь решил выполнить привычную процедуру, невзирая на крах прежних радужных надежд. Он был обязан это сделать ради себя самого, постоянных прихожан и всех тех,

чей душераздирающий крик души он сегодня подслушал.

На пункт А можно не обращать внимания. Лазарь вставил его как сладкую замануху. Ничто не сравнится со скандалом, способным попасть в медиа и завладеть вниманием публики. Приманка была подброшена в слабой надежде на то, что однажды люди заметят сообщение в выпуске новостей и смогут сказать: «Эй, это та самая история, когда одного штыря застрелили за приставания к собственной дочери. Помнишь, как мы прорабатывали ее на компе в церкви?»

Какое-никакое напоминание о прошлом, связывающее его с настоящим.

Лазарь с кривой улыбкой повторил про себя вопрос собственного сочинения: *Я девочка, мне четырнадцать лет. Мой отец все время пьян и хочет мне присунуть, но тратит на выпивку столько кредита, что мне не хватило на штраф, когда я пошла погулять, и у меня конфисковали мой...*

Ответы были тоскливо предсказуемы. Девочке следует обратиться в суд, чтобы ее признали совершеннолетней, она должна все рассказать матери или донести на отца анонимно, чтобы его кредит заблокировали, пусть сбежит из дома и живет в общежитии для малолеток, и так далее и тому подобное.

– Господи! – воскликнул Лазарь в пространство. – Будь мне позволено самому программировать компьютер исповедальной кабины, люди получали бы куда лучшие советы!

Новый проект шел совершенно не так, как он ожидал.

Следующий пункт подразумевал настоящую трагедию.

Как можно помочь еще молодой женщине лет тридцати с лишним, инженеру-электронщику с дипломом, работавшей на орбите по шестимесячному контракту, слишком поздно обнаружившей у себя остеопороз – потерю кальция и других минералов в костях в условиях полной невесомости, и вынужденной оставить работу, а теперь рискующей получить перелом, стоило ей хотя бы споткнуться? Права на подачу апелляции она не имела, гильдия присвоила ей статус нарушителя контракта. Женщина не могла предъявить иск с требованием выплаты компенсации, потому как без работы не имела средств на адвоката, а на работу без разрешения гильдии ее не принимали. Она... Короче, замкнутый круг.

В нашем дивном новом мире много дивных новых накостей.

Со вздохом святой отец аккуратно сложил формуляры в стопку и сунул их под линзу сканера настольного компьютера для обработки и вынесения вердикта. Такое маленькое количество формуляров не оправдывало аренду времени в госсети. К урчанию компрессора добавилось шурх-шурх пластмассовых захватов устройства для сортировки бумаг.

Приобретенный в секонд-хенде компьютер сильно устарел, однако еще работал. Если не испустит дух ночью, робкие подростки, озабоченные родители и вполне здоровые, но неизвестно почему несчастные студенты и отчаявшиеся стареющие дамочки явятся за своей порцией духовного уте-

шения, чтобы уйти, сжимая в кулачке бумажную соломинку – сертификат, пахнувший доброй старой абсолютной властью, с заголовком, отпечатанным фальшивым золотым тиснением, гласящим, что вы держите в руках подлинную законную рекомендацию «Дельфи», основанную на мнении не менее чем _____* консультантов (___* вписать номер, документ недействителен, если общая сумма составила менее 99___) и выданную под присягой/согласно показаниям, данным в присутствии совершеннолетнего свидетеля/под нотариальную заверку печатью** (___** вычеркнуть ненужное) _____ (числа) _____ (месяца) 20___ (года).

Дрянная мелкая подделка напоминала о крахе надежд Лазаря на превращение церковного прихода в отдельный ручной пул для сертифицированных опросов и на завоевание точки опоры, с которой можно было сдвинуть Землю. Теперь-то он понимал, что выбрал неверный подход, но воспоминания о переезде в Огайо все равно отзывались в душе щемящей болью.

По крайней мере, его потуги хотя бы спасли несколько человек от наркотиков, суицида и убийств. Даже если от сертификата «Дельфи» не было другого проку, бумажка напоминала подсознанию: *все-таки я чего-то стою, ведь тут прямо указано, что о моих проблемах размышляли сотни других людей!*

К тому же безадресные советы коллективного разума помогли Лазарю сделать несколько успешных ставок на обще-

ственных досках объявлений.

Дневная норма была выполнена. Однако, перейдя в жилой отсек трейлера, святой отец не почувствовал сонливости. Лазарь прикинул, не вызвать ли кого-нибудь на фехтовальный поединок, но тут же вспомнил, что его регулярные партнеры по игре недавно переехали в другое место, а звонить в государственный комитет фехтовальщиков Огайо и просить выделить новых после одиннадцати часов вечера не имело смысла.

Поэтому скатанный в трубку экран для фехтования, световое перо и счетчик очков остались в тубусе. Хватит и обычного тривизора.

В приливе неожиданной щедрости один из первых регулярных членов его церкви сделал чудовищно дорогой подарок – монитор, который можно было программировать на личные вкусы, сам выбирающий подходящий канал. Лазарь сел в глубокое кресло и включил аппарат. Экран немедленно осветился, предлагая дать совет оппозиционной партии на Ямайке, как справиться с массовым голодом на острове и вышибить правительство на следующих выборах. Вес общественного мнения склонялся к идее покупки грузового дирижабля и доставки с его помощью посылок с синтетической едой в наиболее пострадавшие районы. Очевидно, никому не приходило в голову, что стоимость подходящего воздушного судна составляла семизначную сумму, в то время как Ямайка по обыкновению была банкротом.

Хватит! Я не вынесу столько глупости за один день!

Увы, после отклонения предложенной программы экран неожиданно потух. Неужели на всех каналах тривиждения с их разнообразием автоматика не обнаружила ничего, что могло бы заинтересовать его преподобие Лазаря? Святой отец переключился на ручное управление.

Сначала ему попалась группа куликов – с синей косметикой на лицах и перьями в прическах. Они не играли на музыкальных инструментах, а пассажи перемещали невидимые колонны слабых микроволн, вызывая колебания, которые компьютер превращал в звуки. При удачном раскладе – звуки музыки. Кулики действовали зажато, неуклюже и безо всякой координации. Помогавшая церкви группа любителей, состоявшая из недавних выпускников школ, умела хотя бы не выпадать из регистра и совместно брать нужные тонические аккорды.

Сменив канал, Лазарь обнаружил бюллетень скандалов, распускавший непроверенные, клеветнические, но в силу компьютерного редактирования неподсудные слухи, призванные убедить людей в том, что мир, как они и подозревали, есть гнездилище порока. В программе говорилось о мэре Эль-Пасо в Техасе, причастного к аресту махинатора, организовавшего незаконный пул «Дельфи» и делавшего ставки на количество смертей, переломов и выбитых глаз в хоккейных и футбольных играх. Незаконной являлась не организация тотализатора как такового, а то, что жулик выплачивал

выигрыши на общую сумму меньше установленных законом пятидесяти процентов сборов. Фамилия мэра действительно упоминалась несколько раз.

В Великобритании Комиссия расового оздоровления предложила почетное членство принцессе Ширли и принцу Джиму ввиду того, что они, как известно, имели твердое мнение по вопросам иммиграции чужаков на их несчастный остров. Хотя, если учесть, с какой быстротой бедность сокращала население острова везде кроме районов, граничащих с европейским континентом, нетрудно было предсказать, что австралийцы и новозеландцы вряд ли туда поедут.

И еще: правда ли, что дистанционная ракетная атака на туристические отели Сейшелов была проплачена конкурирующей сетью гостиниц, а не ирредентистской Партией освобождения Сейшельских островов?

Да ну их всех к черту.

На следующем канале показывали «цирк», как в просторечии называли «экспериментальный комплекс поощрения и наказания». Лазарь, похоже, попал на одного из «полевых предводителей», возможно даже, самого знаменитого, который вел передачу из Кемадуры в Калифорнии, прикрываясь все еще действующими местными законами, позволявшими использовать настоящих животных. Полдюжины испуганных, выпучивших глаза детишек выстроились в затылок перед сходнями не больше пяти сантиметров шириной, перекинутыми над бассейном, в котором извивались и щелка-

ли зубами аллигаторы. Родители азартно подбадривали своих чад. Большая красная заставка в углу экрана информировала, что за каждый сделанный шаг, не закончившийся падением, присуждалась тысяча долларов. Лазарь с содроганием еще раз переключил канал.

Соседний должен был пустовать. Ан нет. Его захватил китайский пиратский спутник, пытавшийся привлечь внимание эмигрантов на среднем западе Америки. Говорят, в окрестностях Кливленда завелось китайское племя. Или в Дейтоне? Канал вещал на китайском, Лазарь переключился на следующий. Здесь гнали рекламу. Один ролик продвигал центр консультаций по образу жизни, где, как знал Лазарь, имелись частные палаты для тех клиентов, чье состояние после получения дорожных советов только ухудшилось. Другой расхваливал средство, вызывающее эйфорию, уверяя, что оно не ведет к привыканию, хотя именно к нему оно и приводило. Управление по качеству продуктов питания и лекарственных средств подало в суд на рекламирующую это средство маркетинговую фирму, однако, по слухам, та вышла на покладистого судью, прикарманила арестованную было прибыль и согласилась добровольно соскочить с продукта, не доводя дело до суда, повесив на шею недофинансированного, выбивающегося из сил общественного здравоохранения еще несколько сотен наркоманов.

Следующий канал захватила еще одна пиратская программа. Судя по акценту – австралийская. Девушка в костю-

ме из шести пузырей, расположенных на стратегически важных участках тела, вещала: «Отгадайте загадку: если всех людей, страдающих от кризиса образа жизни, уложить в одну линию, то кто тогда останется, чтобы их укладывать?»

Шутка вызвала у Лазаря слабую улыбку. Поймать австралийское шоу – большая редкость, он почти решил досмотреть передачу до конца, как вдруг его заставил вздрогнуть громкий звонок.

Звонок означал, что кто-то вошел в исповедальную кабину у главных ворот. И судя по времени суток, этот кто-то должен находиться в крайней степени отчаяния.

Ну что ж. Лазарь заранее настроился на помехи в любое время дня и ночи как неизбежную часть церковной работы. Вздохнув, он поднялся и выключил тривизор.

Памятка для своих «я»: использование тривидения для нужд церкви, возможно, неплохая идея. Надо бы восстановить контакты с медиа. Но что, если, работая священником, он чересчур засветился для обладателя кода с маркером 4GN? А если нет, то какую дозу публичности мог себе позволить? И как долго?

Надо выяснить. *Обязательно надо.*

Придав чертам лица благодное выражение, Лазарь включил тривизионную связь с исповедальной. Осторожность не повредит. В стычке на прошлой неделе фанаты «Царства Билла» и граалисты потеряли семерых убитыми, причем победили последние. Что и следовало ожидать – католики во

все времена отличались жестокостью. Если «Царство Билла» просто калечило пленных и потом позволяло им влачить жалкое существование, то граалисты своих пленников связывали, затыкали им рты и оставляли в каких-нибудь развалинах медленно умирать от жажды.

Так что ночной посетитель, возможно, вовсе не нуждался в совете или даже медикаментах. В церковь могли подослать лазутчика, чтобы разведать, как сподручнее сравнить ее с землей. В принципе, оба племени считали церковь Лазаря языческой срамотой.

На экране, однако, появилась девочка, слишком юная для принятия в одно из племен. На вид не больше десяти лет, волосы всклокочены, глаза покраснели от плача, на щеках – бороздки, проделанные в осевшей пыли слезинками. Похоже, девчонка переоценила свои силы в подражании взрослым, заблудилась и испугалась темноты... О, нет! Тут кое-что похуже. Священник увидел в руке девочки нож. Лезвие и зеленое платье были покрыты алыми пятнами, смахивающими на свежую кровь.

– Да, сестра моя? – спросил Лазарь нейтральным тоном.

– Отец, я должна исповедоваться или буду проклята! – всхлипнула девочка. – Я зарезала свою маму, искромсала ее на кусочки! Наверняка убила! Я в этом уверена!

На мгновение время будто остановилось. Стараясь сохранить спокойствие, Лазарь произнес слова, нужные для официальной записи, потому как, несмотря на неприкосновен-

ный статус исповедальни, тривизионный канал, как и все такие каналы, был подключен к городской полицейской сети и просматривался неутомимыми федеральными наблюдателями в Канаверале. Или где-то еще. Их столько расплодилось, что вряд ли они все сидели в одном месте.

Памятка для своих «я»: неплохо бы узнать, где находятся остальные.

Скрипучим, как гравий, голосом он сказал:

– Дитя мое, – в который раз замечая ироничность фразы, – облегчи совесть, доверься мне. Однако я должен напомнить, что тайна исповеди не сохраняется, если говорить в микрофон.

Девочка уставилась на его изображение таким пронзительным взглядом, что он невольно представил, каким она его видит: худой, смуглый мужчина со сломанным носом, одетый в черный камзол с белым воротником, украшенным маленькими позолоченными крестиками. Ничего не сказав, девочка покачала головой, как если бы ее разум до краев переполнился ужасом, не оставив места для новых потрясений.

Лазарь терпеливо повторил. На этот раз до нее дошло.

– Вы хотите сказать, – с трудом выговорила она, – что вызовите хрипатых?

– Разумеется, нет. Однако они, возможно, тебя уже ищут. А ты только что призналась в микрофон о содеянном... Теперь понимаешь?

Лицо ребенка съежилось. Нож выпал из руки на пол с лег-

ким звоном, словно кто-то тихо тронул струны гуслей. Через секунду она снова разревелась.

– Не уходи, – попросил он. – Я сейчас приду к тебе.

Антракт

Над холмами вокруг Парелома дул резкий, пахнувший зимой ветер, срывающий с деревьев красные и золотые листья, но небо оставалось чистым, а солнечный свет – ярким. Ожидая в очереди у одного из двадцати лучших ресторанов, напоминающего своим видом о роскоши прежних времен вплоть до выставленных в витрине тарелок с готовыми блюдами, Хартц удовлетворенно оглядел окрестности.

– Чудесно, – наконец произнес он. – Просто чудесно.

– Что? – Фримен массировал кожу на висках, разглаживая ее к затылку, словно пытался выдавить из себя накопившуюся усталость. Он поднял глаза на витрину и кивнул: – А-а, вы об этом... Да, пожалуй. Последнее время я мало обращаю внимания на такие вещи.

– Вы, как я вижу, утомились, – участливо сказал Хартц. – И меня это не удивляет. У вас трудная работа.

– И не быстрая. По девять часов в сутки, сеансами по три часа. Утомишься тут.

– Но работа должна быть сделана.

– Да, работа должна быть сделана.

Как выращивают дельфины

Делается это примерно так.

Сначала вы окучиваете большую – если получится, то очень большую – группу людей, никогда не изучавших предмет, к которому относится задаваемый вами вопрос, и потому неспособных вспомнить правильный ответ, но тем не менее встроенных в культуру, к которой вопрос имеет прямое отношение.

После чего вы просите их прикинуть, сколько людей умерло во время великой эпидемии гриппа после Первой мировой войны или какое количество караваев хлеба санитарные инспекторы ЕЭС сочли непригодными к употреблению в пищу в июне 1970 года.

Как ни странно, после обобщения ответов вы заметите, что они группируются вокруг верной цифры, указанной в альманахах, ежегодниках и статистических отчетах.

Подтверждается парадокс: хотя никто не имеет понятия о происходящем вокруг, все знают, что происходит.

Если правило работает по отношению к прошлому, почему бы не применить его к будущему? Триста миллионов, имеющие доступ к интегрированной сети данных Северной Америки, – очень внушительное количество потенциальных прогнозистов.

Увы, большинство из них бегут во все лопатки от страш-

ного призрака будущего. Как окучивать людей, попросту не желающих ничего знать?

Одних можно поймать на жадности, другим дать надежду. Остальные не сыграют в судьбах мира какой-либо существенной роли.

Как говорит пословица, нет коня – и осел сгодится.

Новая кочка отсчета

Оставалось отпереть дверь трейлера и отключить сигнал тревоги, как Лазарь вдруг засомневался.

Воскресенье. Относительно хороший сбор, хотя и не рекордный. (Он приняхался. Воздух горяч. От плавильни нагрелся.)

А что, если девчонка – не по годам умелая актриса?

Он представил себе, как налетает, грабит и убегает до появления хрипатых племя, оставив на месте одну истерически хохочущую по поводу удачного «розыгрыша» малолетку, которую полиция не имеет права допрашивать.

Поэтому, прежде чем выключить сигнализацию, Лазарь привел в активное состояние всю электронику церкви кроме музыкальной системы куликов и автоматических лотков для сбора подаяний. Когда святой отец обошел вокруг бывшего экрана, служившего теперь алтарем, перед ним в китовом чреве купола вспыхнуло яркое зарево. Прожекторы сверкали всеми цветами радуги, дистанционная тривизионная камера

над головой не только воспроизводила на алтаре чудовищно увеличенный лик священника, но и записывала происходящее во всех подробностях на накопитель данных, спрятанный под метровым слоем бетона. Если на церковь нападут, то хотя бы сохранятся улики.

К тому же у Лазаря имелся при себе пистолет. Он никогда не покидал трейлер без оружия.

Скудные предосторожности представляли собой максимум того, что мог себе позволить обыкновенный священник. Если перегнуть палку, федеральные компьютеры встретятся и, чего доброго, зачислят его в параноики. Они стали очень чувствительны к такого рода вещам после того, как летом прошлого года один раввин в Сиэтле, заминировавший подходы к синагоге, забыл отключить электронную пусковую цепь накануне бар-мицвы.

Как правило, федкомпы положительно относились к людям со стойкими религиозными убеждениями. Такие граждане реже устраивали бучу. Однако всему имелись пределы, не говоря уже о существовании чудаков-одиночек.

Всего несколько лет назад защита церкви была адекватной. Сегодня ее хлипкость заставляла Лазаря вздрагивать, пока он шел по коридору без стен, границы которого обозначали оставленные много десятилетий назад следы автомобильных шин. Разумеется, через ворота за исключением входа в исповедальную кабину был пропущен ток. Сама кабина могла выдержать взрыв, а также имела автономную по-

дачу воздуха, и все-таки...

Памятка для своих «я»: в следующий раз надо выбрать роль с меньшим риском для жизни и здоровья. Уединение — это, конечно, хорошо, он в нем сильно нуждался, когда приехал в эти края. Вот только церковь непосильно содержать в одиночку. Невозможно заглянуть в каждый темный угол, где мог притаиться шустрый затырок.

Оглядываясь по сторонам, Лазарь вспомнил, что до сих пор не нуждался в очках. И это в сорок шесть лет? Среди трехсот миллионов у него, конечно, могли найтись ровесники, никогда не покупавшие корректирующие линзы, но в основном потому, что линзы были им не по карману. А что, если Бюро здравоохранения или какой-нибудь фарма-медицинский конгломерат решит, что середнячков, не носящих очки, набралось достаточно много для их тщательного изучения? Предположим, в Пареломе решат, что это вызвано каким-то генетическим феноменом? Ух.

Памятка для своих «я» красным курсивом: нельзя далеко выходить за пределы хронологического возраста!

На этой стадии размышлений Лазарь вошел в исповедальную кабину и обнаружил, что за небьющимся стеклом толщиной три сантиметра нет никакой девочки в платице, залпанном пятнами крови. Вместо нее наружную часть кабины занимал грузный блондин с голубой прядью в слегка выющихся волосах, одетый в модную розовую с кармином рубашку и нацепивший извиняющуюся улыбку.

– Прошу прощения за беспокойство, святой отец, – сказал незнакомец. – Маленькая Гейла попала сюда по чистой случайности. Кстати, меня зовут Шэд Флакнер.

Этот штырь не годился девочке в отцы уже по возрасту – ему от силы было лет двадцать пять или двадцать шесть. С другой стороны, в приходе имелись женщины, сменившие трех-четырех мужей и состоявшие в браке с мужчинами на двадцать лет их моложе. Отчим?

Тогда чего он улыбается? Потому что воспользовался этим ребенком, на которого не потратил ни одной пластиковой монетки, чтобы избавиться от богатой, но надоевшей старой жены? В кабинке приходилось выслушивать и не такое.

Лазарь туманно произнес:

– Значит, вы родственник... э-э... Гейлы?

– Формально нет. Но если посмотреть на наш совместный путь, то я ей ближе любого законного родственника. Видите ли, я работаю в корпорации «Анти-травма». Родители Гейлы поступили разумно: заметив у девочки проявления девиантного поведения, они записали ее на полный курс лечения. В прошлом году мы вылечили сиблинговое соперничество – классический случай зависти к пенису, направленной против младшего брата, а сейчас она погружается в комплекс Электры. Если получится, до осени мы продвинем ее до уровня Поппеи... Ах да, кстати: она что-то там молола насчет вызова вами хрипатых. Можете не беспокоиться. В по-

лиции она зарегистрирована как случай, не требующий реагирования.

– Она сказала, – медленно и с большим усилием выговорил Лазарь, – что ударила ножом свою мать. Убила ее.

– О! С ее точки зрения она действительно так и поступила! Гейла подсознательно хотела убить мать с того самого момента, когда та позволила ей родиться. Все это, разумеется, бутафория. Мы дали ей дозу скотофобина и заперли в темном помещении, чтобы нейтрализовать импульс возвращения в материнское чрево, вручили фаллическое оружие для подавления остаточной половой зависти и запустили к ней анонимного спутника. Когда она нанесла удар, мы включили свет, чтобы показать лежащее на полу в луже крови тело матери и дали ей возможность сбежать. Я, естественно, за ней следил. Мы не допустим, чтобы кто-то причинил ей вред.

Скучающий тон говорил о том, что Флакнер выполнял рутинное задание. Однако после того, как он закончил объяснения, его лицо просветлело, как если бы в голову ему пришла оригинальная мысль. Он достал из кармана записывающее устройство.

– Эй, святой отец! Наш рекламный отдел был бы рад услышать любой положительный отзыв о наших методах работы. Слова служителя культа имеют особый вес. Как насчет того, чтобы сказать: предоставление детям возможности реализовать наиболее агрессивные импульсы в контролируемой обстановке предпочтительнее, чем совершение ими преступ-

лений в реальной жизни, что создало бы угрозу их бессмертной...

– Хорошо! У меня найдется для вас комментарий под запись! Если есть на свете что-то отвратительнее войны, так это то, чем занимается ваша компания. На войне хотя бы бушуют страсти. Ваши же действия просчитаны, так поступают автоматы, а не люди!

Флакнер немного отодвинулся, словно испугался, что его могут ударить прямо через разделительное стекло, и примирительно пробормотал:

– Мы всего лишь привлекаем науку на службу морали. Вы, надеюсь, видите, что...

– Я вижу перед собой человека, на которого мне впервые в жизни хочется наложить анафему. Вы совершили грех по отношению к малым детям, а потому лучше было бы повесить вам мельничный жернов на шею и потопить вас в пучине морской. Идите от меня во тьму вечную!

Лицо Флакнера мгновенно покрылось красными пятнами, голос наполнился колючим гневом.

– Вы еще пожалеете о сказанном – обещаю! Вы оскорбили не только меня, но и тысячи добрых сограждан, которым моя компания помогает спасти детей от геенны огненной. Вы за это ответите!

Флакнер повернулся на каблуках и вышел из кабины.

Разлагающее действие света и энергии

– Гейла, разумеется, в порядке! Что может для ребенка стать более радостным открытием и лучшим утешением, чем понимание того, что мать, которую она сознательно любила, но подсознательно ненавидела, убита – и все же жива?

Флакнер вытер пот со лба, надеясь, что испарину отнесут на счет летней духоты.

– А теперь разрешите позвонить с вашего телефона? Если можно, без посторонних. Родителям не обязательно знать наши методы во всех подробностях.

Сидя в яркой освещенной комнате с углубленным в пол бассейном, отражающим огни, мелькавшие среди распятый, статуй Будды и увенчанной розами шестирукой Кали, Шэд Флакнер набрал код отдела анонимных донесений корпорации «Континентальный свет и энергия».

Услышав нужный звуковой сигнал, он ввел код Церкви бесконечного прозрения, затем группу цифр, означавшую «использование благотворительных пожертвований не по назначению», и еще одну – «имущество, арестованное в ожидании решения суда». Эти меры автоматически уничтожат кредитный рейтинг священника. Напоследок он ввел команду «оповестить все компьютеры системы кредитной экспертизы».

Пусть теперь попляшет. Шэд довольно потер руки и вы-

шел из комнаты. Отследить, кто сделал звонок, практически невозможно. Он не работал в «Свете и энергии» уже два года, текучка персонала составляла шестьдесят пять процентов в год, фальшивые данные в систему мог ввести любой из полумиллиона бывших сотрудников.

Прежде чем его преподобие Лазарь продерется сквозь дебри взаимосвязанных компьютеров кредитной экспертизы и прижучит свежавылупившегося «червя», успеет превратиться в голодного оборванца.

Так ему и надо.

Всему свое (но не реальное) время

Во время перерыва, пока медсестра чем-то брызгала субъекту в горло, чтобы к нему вернулся голос, Хартц посмотрел на часы.

– Хотя работа требует времени, – пробормотал он, – нельзя же работать так медленно – просматривая меньше суток за день.

Фримен по обыкновению ответил улыбкой, напоминающей оскал черепа.

– Если бы так было всегда, то я бы до сих пор расспрашивал его о работе консультантом по образу жизни. Не забывайте: едва мы поняли, где искать, мы сумели записать все данные о его прежних личностях. Нам известно, чем он занимался. Теперь важно установить, какие он при этом испы-

тывал чувства. В некоторых случаях связь между ключевыми воспоминаниями и невероятно мощной реакцией видна с первого взгляда. Вам повезло наблюдать сегодня именно такой случай.

– Отождествление себя с девочкой и паническим бегством? Как параллель со своей жизнью гонимого существа?

– И не только. Боюсь, что много больше. Взять хотя бы наложенное на Флакнера проклятье и триггер, который вызвал этот порыв. Такое поведение вполне укладывается в образ святого отца Лазаря. Теперь надо выяснить, насколько глубоко оно отражает истинное «я» субъекта. Сестра, если вы закончили, я хотел бы продолжить работу.

Эмоциональный день, тучи сгущаются, жарко

Нет, я должен, ДОЛЖЕН научиться контролировать свой темперамент, даже перед лицом оскорблений человеческой природы вроде...

Какого черта?!

Лазарь, охнув, очнулся от забытья. Накануне вечером он не мог заснуть несколько часов, в памяти вибрировала угроза Флакнера – пришлось прибегнуть к таблетке. Главный факт не сразу проник в ватный мозг.

Компрессор замолчал!

Перекатившись на бок, Лазарь проверил светящиеся часы с автономным питанием у изголовья кровати. 7:45 утра.

За окнами трейлера все еще стояла непроглядная тьма, хотя солнце давным-давно взошло, метеосводка обещала ясную погоду, а мембрана купола, когда была туго натянута, пропускала свет почти полностью.

Выходит, питание отрезали, и купол опустился на землю – все двадцать две с половиной тонны.

Голый, чувствующий себя жутко уязвимым Лазарь спустил ноги на пол и повернул ближайший выключатель, чтобы убедиться в достоверности своей догадки. Темнота давила страшным гнетом. Хуже того – воздух уже испортился. Виной тому, несомненно, грязь, жир и зловонная сырость, которые, пока купол был надут, оседали незаметной тонкой пленкой, а теперь уплотнились в толстый слой наподобие отложений на стенках канализационных труб.

Свет, как и ожидалось, не зажегся.

Забастовка? Вряд ли. Те немногие работники национальной автоматизированной системы энергоснабжения, что еще могли позволить себе бастовать, обычно ждали наступления морозов и выпадения снега. Отключение из-за перегрузки? Тоже сомнительно. Летних перегрузок не случалось аж с 1990 года. Людей приучили не относиться к электроэнергии как к бесплатному воздуху.

Надо сказать, что с 1990 года выросло целое новое поколение. Включая самого Лазаря.

Авария на АЭС?

После тройной аварии прошлого года, судя по доскам объ-

явлений «Дельфи», много денег было поставлено на то, что до новой аварии пройдет не менее двух лет. Лазарь все же решил послушать единственный принадлежавший ему радиоприемник на батарейках. По закону, в агломерациях с населением более миллиона человек на случай предупреждения о бунтах, стычках племен и катастрофах продолжала вещать хотя бы одна монофоническая радиостанция. Батарейки почти сели, однако, прижав приемник к уху, Лазарь сумел слышать, что диктор говорил о рекордных ставках на количество игроков, погибших во время сегодняшнего футбольного матча. Случись катастрофа на АЭС, предупреждения о радиации передавали бы нон-стоп круглые сутки.

Тогда какого... Флакнер!

Лазарь почувствовал, как по спине побежали мурашки, и поймал себя на мысли, что жадно смотрит на слабый, расплывчатый свет циферблата. Темнота как будто символизировала материнскую утробу (отражение судьбы Гейлы и ей подобных, обреченных расти не свободными людьми, а подневольной скотиной, порождением случки фрейдистского психоанализа с бихевиоризмом), в которой он находился, а загадочный свет предвещал выход из нее в новый непонятный мир.

Что ж, с уколом досады признал Лазарь, так оно и есть.

Воздух провонял, но хотя бы не насытился углекислым газом – голова не болела, лишь немного мутило. Воспрянув духом, Лазарь на ощупь выбрался в жилую зону, где на

всякий пожарный держал большую аккумуляторную лампу. Аккумулятор не разрядился – он постоянно подпитывался от сети. В желтоватом свете лампы все вокруг показалось враждебным и незнакомым. Луч отбрасывал на полированные металлические стены пляшущие тени наподобие тех, какими вчера вечером он замыслил привлечь тинейджеров, помешанных на Бароне Субботе, Святом Николае и даже Кали.

Лазарь побрызгал на лицо некогда ледяной водой из среднего крана над раковиной. Не помогло. Электричество отключили давно, бак успел нагреться. Священник открыл дверь трейлера и выглянул наружу. Из-под плавной арки, образованной упавшим на алтарь куполом, в дальнем углу просачивался свет, что обещало возможность выбраться без чужой помощи.

Но лучше снова включить питание.

Плавильня в кабинете остыла, медный слиток можно забирать. Компьютер на столе, выполнявший более важную задачу, закончить работу не успел. Четвертый... нет, пятый за сутки анализ «Дельфи» торчал из него, как бледный окоченевший язык, автоматически проштампованный нотариальной печатью. Это пока подождет. Важнее установить, не отсек ли Флакнер (кто еще стал бы дискредитировать его посреди ночи?) не только электропитание, но и телефон.

Ответ нашелся сразу: да, отсек. Автоматическая запись сладким голосом сообщила Лазарю, что его телефонный

кредит приостановлен в ожидании решения суда, которое могло закончиться полной конфискацией имущества. Если он желает восстановить услугу, то обязан предъявить доказательство, что суд вынес решение в его пользу.

Суд? Какой еще суд? С каких пор в этом штате людей судят за проклятья?

Тут его озарило, и Лазарь чуть не расхохотался. Флакнер воспользовался одним из старейших трюков – запустил в континентальную сеть самовозобновляющегося «червя», приделав к нему в виде «головы» донос, «взятый на прокат» у какой-нибудь крупной корпорации. Червь будет переходить с одного узла на другой всякий раз, когда кто-либо введет кредитный код Лазаря с клавиатуры. Чтобы прихлопнуть такого червя, возможно, потребуется несколько дней, а то и недель.

Но только если у пострадавшего не имелось средств для отмены первоначальной команды. У Лазаря такие средства были. Любой владелец кода с маркером 4GN...

Смех, не родившись, умер. А что, если с последнего раза, когда Лазарь проверял действительность 4GN, статус был снижен или отменен?

Чтобы это узнать, существовал только один способ. Устройства послушно ждали в готовности выдать вердикт. Лазарь ввел с телефона свой полный код, добавил стандартный набор цифр «ошибки ввода ввиду вредоносных операций» и закончил команду приказом выдать номер якобы вы-

двинутого против него судебного иска.

Через пару секунд в телефон вернулись обычные гудки.

Лазарь сам не заметил, как затаил дыхание, и сделал шумный выдох, прозвучавший в непривычной тишине ужасно громко. (Сколько отдельных устройств перестали гудеть и жужжать? Компьютер, охладитель и нагреватель воды, кондиционер, монитор системы сигнализации и... и так далее. Современный человек не привык помнить наперечет все устройства, работающие от сети, и Лазарь тоже не помнил.)

Он немедленно снарядил в погоню червя-мстителя. Непосредственная угроза будет ликвидирована за промежуток от трех до тридцати минут, все зависело от того, получится ли опередить типичные для утра понедельника перегрузки сети данных. Лазарь был почти уверен, что не получится. Если верить недавним новостям, в сети бесконтрольно бродило столько червей и контрчервей, что устройства получили команду присваивать им низкий приоритет, если только речь не шла о неотложной медицинской помощи.

Ну, если свет загорится, все станет ясно.

После чего для его преподобия Лазаря настанет время свести счеты с жизнью. Подкрепляясь бокалом теплого фальшивого апельсинового сока (он тщательно выбирал марку), приторно сладкого, но не опасного для обмена веществ, Лазарь принялся обдумывать подробности нового воплощения.

Через полчаса загорелся свет. Через час надулся купол.

Через полтора часа Лазарь запустил процесс нового рождения.

Компьютерный родовой акт всегда оставлял неприятный осадок. Сегодняшние роды, потому что он не доиграл роль Лазаря до конца и не подготовил как следует свой разум, были мучительны, как никогда. Кожа свербела, сердце колотилось, ладони стали скользкими от пота, голые ягодицы – он так и не удосужился одеться – чесались в местах, которыми прижимались к стулу.

Хотя личный код еще работал, процедуру ввода новой липы на федкомпьютеры пришлось прерывать дважды. Пальцы дрожали так сильно, что Лазарь боялся набрать на телефоне неправильную группу цифр. Обычные телефонные аппараты, как у него, не имели функции показа последних пяти набранных значений.

В конце концов он ввел заключительную цифровую группу и активировал фага, который сотрет все следы пребывания Лазаря на этом свете. Этот суперчервь, с которым червяк Флакнера и рядом не ползал, начнет распространяться, все выскребать и делать прочие вещи, на которые у Лазаря в процессе изобретения нового «я» не было времени.

Ни один человек рангом ниже конгрессмена не имел права на распечатку данных, накопленных о владельце кода 4GH. Видимо, система была придумана для людей, имевших официальное разрешение жить не только своей жизнью. Человек, выдававший себя за Лазаря, много раз испытывал со-

блазн проверить, в кого обладание таким кодом превращало его на самом деле. В законспирированного агента ФБР? Контрразведчика? Особого представителя Белого дома, подчищающего дерьмо после начальства? Ему хватило ума ни разу не поддаться соблазну. Он был подобен крысе, прячущейся за стенами современного общества. Стоит высунуть нос, как тут же кликнут ликвидаторов.

Лазарь переоделся в другую одежду и собрал то, что можно было прихватить с собой, – мешок всякой всячины вроде переводных талонов «Дельфи» и свеженького медного слитка. Упаковал также два ингалятора для нейролептика, который, как он знал, понадобится еще до окончания суток.

Напоследок установил мину под столом и подключил ее к телефону, чтобы дистанционно по звонку взорвать в удобное время.

Взорванная церковь могла попасть в хронику о ежедневных преступлениях – столько-то убийств, столько-то грабежей, столько-то изнасилований, однако поджоги нередко не успевали попасть в перечень. Если никто не подаст заявку на выплату страховки, этим все и кончится. Издерганная местная полиция с удовольствием спишет разрушение храма на готовых подозреваемых из числа адептов «Царства Билла» или граалистов.

Последний взгляд перед тем, как навсегда покинуть пластмассовый купол. Во многих отношениях, подумал он, жить в нынешнем веке не так сложно, как, вероятно, в два-

дцатом.

Однако жизнь только выглядела простой.

Набранный вами номер...

Еще до того, как тривидение вытеснило телевидение, знаменитый циничный историк по имени Ангус Портер, проживший достаточно долго, чтобы стать одним из «великих старцев», чьи пожизненные левацкие взгляды, как следствие, теперь считались простительным чудачеством, выразил суть вопроса короткой сентенцией.

Или, как тут же съязвил один умник, выразил суть вопроса па`рой слов.

Когда Портеру предложили написать комментарий к договору о ядерном разоружении 1989 года, он заявил: «Это – третий этап человеческой эволюции. Сначала люди соревновались, кто быстрее бежит. Потом – кто быстрее стреляет. Теперь – кто быстрее поумнеет. Если повезет, последним этапом будет соревнование за то, кому называться человеком».

Персонификация дарования

– Вот, значит, как он это делал! – восхищенно произнес Хартц. Посетитель посмотрел на сидящего в стальном крес-

ле человека с бритой головой, словно видел его в первый раз. — Никогда не подумал бы, что совершенно новую личину можно ввести в сеть с домашнего телефона, тем более с помощью такого маленького компьютера, как у него.

— Талант! — бросил Фримен, не отрываясь от экранов и светящихся индикаторов на консоли. — Если угодно, не меньший, чем талант пианиста. До изобретения магнитофонной записи существовали солисты, способные удерживать в голове по двадцать концертов с точностью до ноты и целый час разыгрывать импровизацию на заданную тему из четырех нот. Все это теперь в прошлом, как и поэты времен Гомера, способные наизусть декламировать тысячи строф. Так что его талант не такая уж редкость.

Помолчав, Хартц ответил:

— Знаете что? Я видел здесь, в Пареломе, множество шокирующих вещей, а слышал еще больше. Но вряд ли мне когда-либо... — говорящему пришлось сделать над собой усилие, чтобы закончить фразу, — было страшнее, чем сейчас от ваших слов.

— Боюсь, я вас не совсем понял.

— Ну как же! Вы назвали этот удивительный талант не такой уж редкостью.

— Но ведь это правда. — Фримен отклонился в мягком кресле. — Во всяком случае по нашим стандартам.

— Ну, это по вашим стандартам, — пробормотал Хартц. — Иногда эти индивидуумы не совсем похожи...

– ...на людей?

Хартц кивнул.

– Уверяю вас, они вполне реальные люди. Человечество представляет собой очень одаренный вид живых существ. Наша работа по большей части сводится к восстановлению запущенных способностей. Мы относились с потрясающим невежеством к некоторым нашим очень ценным психическим ресурсам. Не заполнив эти пробелы в знаниях, мы не сможем успешно двигаться навстречу будущему. – Фримен взглянул на часы. – На сегодня, пожалуй, хватит. Я вызываю медсестру, пусть его почистит и накормит.

– Меня это тоже беспокоит. Вы говорите о нем как о каком-то предмете. Я восхищаюсь вашей скрупулезностью и преданностью делу, но у меня есть претензии к вашим методам.

Фримен поднялся и потянулся, расправляя затекшие члены.

– Мы пользуемся этими методами, потому что они дают результат, мистер Хартц. К тому же не забывайте, что мы имеем дело с преступником и дезертиром, который, дай ему волю, с готовностью пойдет на предательство. Похожими проектами занимаемся не мы одни, и другие не только не испытывают угрызений совести – даже не скрывают своей жестокости. Я уверен: вам не понравится, если нас обставят подобные конкуренты.

– Разумеется, нет, – промямлил Хартц, раздвигая пальцем

воротник, словно тот вдруг стал слишком узким.

Фримен обнажил в улыбке зубы – не голова, а черная редька с белым надрезом.

– Почтите ли вы нас своим присутствием завтра?

– Нет, мне нужно возвращаться в Вашингтон. Вот только... э-э...

– Что?

– Чем он занимался после того, как сбежал из Толедо?

– А-а, он позволил себе взять отпуск. Очень разумно с его стороны. Это – лучшее, что могло прийти ему в голову.

В целях ре-идентификации

В настоящее время меня зовут Александр или сокращенно Сэнди (иногда, в серьезном подпитии, я по секрету признаюсь, что мое настоящее имя не Александр, а *Лизандр!*) П. (и того хуже – *Перикл!!!*) Локк, мне тридцать два года, я холостяк-гедонист и ввиду отсутствия бороды немного смахиваю на извращенца. Однако я пытаюсь сменить свой имидж и, чем черт не шутит, когда-нибудь женюсь.

Сэнди Локком я побуду некоторое время и после окончания отдыха, который провожу в курортной гостинице на островах Си-Айлендс в Джорджии, заведении средней степени крутости, не отягощенном скукой посекундного распорядка. Отель даже может похвастаться подводным крылом для терапии в «материнском чреве» и тем, что менеджером у

них работает дипломированный психолог. По крайней мере, здесь нет обязательных эмпирических процедур.

Это мой второй отпуск в текущем году, поздней осенью будет третий. Меня окружают люди, входящие в категорию отпускников, а не выведенные за штат или безработные, как может показаться. Для многих постояльцев это уже третий отпуск в году, а кое-кто планирует и все пять. В последнюю группу, однако, входят старички, избавленные от заботы о детях и расходов на них. Троекратный отпуск в возрасте тридцати двух лет выделяет меня из общей массы. Однако на данный момент я скорее нахожусь в третьей категории – мне требуется новая работа.

На этот раз я выбрал хороший возраст – больше не надо притворяться, будто тебе сорок шесть в то время, как твой биологический возраст двадцать восемь (как вспомню про очки – брр!). Я достаточно молод, чтобы привлекать внимание дамочек среднего возраста, и достаточно зрел, чтобы внушать благоговение сопливым девчонкам.

Памятка для своих «я»: можно ли растянуть тридцать два года до, скажем, того времени, когда мне исполнится тридцать шесть? Надо держать глаз и ухо остро.

Поела-попила и отишла

Перевалившая за сорок, хотя и непонятно, как далеко, прекрасно выглядящая и полная решимости и дальше так

выглядеть, пребывающая в лучшей форме благодаря яркому загару и волосам, осветленным солнцем, а не шампунем, а также лишнему часу сна, чего она была лишена целую вечность, Ина Грирсон к тому же отличалась твердой волей. Доказательством служила ее должность – начальница отдела найма временного административного персонала расположенной в Канзас-Сити штаб-квартиры корпорации «Земля-Космос», крупнейшей в мире компании по строительству орбитальных фабрик.

Вопрос только, надолго ли хватит ее твердости?

Ина размышляла о старой поговорке, что работника повышают в должности до тех пор, пока он не достигнет собственного ему уровня некомпетентности. Как бишь называется это принцип? Отобрать у Питера, чтобы заплатить Полу? Или как-то еще? Ина не находила себе места. Дочь отказывалась закончить учебу, каждый год записывалась на новые курсы, один причудливее и сумасброднее другого (причем в одном и том же университете, черт бы ее побрал! Хоть бы согласилась перейти куда-нибудь). Ина чувствовала себя уставшей и загнанной в угол. Уехать бы на берег Мексиканского залива, в Колорадо или Сан-Франциско. Говорят, технология проскальзывания, как и предсказывали сейсмологи, доказала свою надежность, и землетрясение, унесшее миллионы жизней, не повторится больше никогда... ну, или по крайней мере следующие пятьдесят лет.

Перевод, разумеется, должен произойти на ее, а не на

чьих-то еще условиях. В прошлом году она отвергла пять предложений. В этом году поступило только одно. А что будет дальше?

Иметь такую строптивую дочь, как Кейт, суший кошмар! Почему бы глупой фальцухе не поступить, как делают все нормальные люди, не выкопать корни и не пустить их в какой-нибудь другой лунке – желательно на другом континенте?

Если бы только «Анти-травма» занялась ею пораньше...

Некоторые бестактно спрашивали у Ины, почему она упорно не хочет переезжать из города, где живет ее дочь, ведь девушке уже двадцать два, после поступления в университет она жила в своей квартире и, судя по всему, не цеплялась за мать. Ина терпеть не могла подобные разговоры.

Она ненавидела вопросы, на которые у нее не было ответа.

На второй неделе двухнедельного отпуска Ина решила повеселиться, но мужчина, с которым она поддерживала контакт после прибытия, уехал. А значит, ужинать придется в одиночестве. Чем дальше, тем хуже. Пересилив хандру, она надела любимое красное с золотом вечернее платье и вышла на открытую террасу, где томная музыка смешивалась с шелестом прибоя. Пропустив два бокальчика, Ина почувствовала себя лучше. Может, еще шампанского? И жизнь вновь заиграет яркими красками.

Не прошло и минуты, как она подозвала официанта (заведение было дорогое и эксклюзивное, не ровня штамповкам,

где имеешь дело с автоматами, которые постоянно ошибаются. Хотя, конечно, люди тоже не застрахованы от ошибок).

– Что значит «кончилось»?

Ее резкий тон заставил соседей обернуться.

– Вон тот господин, – официант показал пальцем, – только что заказал последнюю бутылку.

– Позовите менеджера!

Менеджер пришел и, рассыпаясь в извинениях, вероятно, искренних (кому хочется, чтобы какой-то бездушный рейтинг обнулил твоё любимое детище?), объяснил, что ничего не может поделать. Компьютер в главном управлении, отвечающий за снабжение всей сети, состоящей из сотен гостиниц, решил распределить шампанское в такие места, где оно продавалось по цене, в два раза превосходящей ту, что мог себе позволить ресторан в Си-Айлендс. Решение было принято сегодня. Новую карточку вин еще не успели напечатать.

Тем временем официант растворился, реагируя на вызов с другого столика. Когда он вернулся, Ина с трудом сдержалась, чтобы в бешенстве не наорать на него.

Официант положил перед ней записку. Сообщение было написано твердым, четким почерком, какой нынче редко встретишь, – почти все дети переходили на клавиатуру компьютера с семилетнего возраста. Ина прочитала записку в один присест: «У затырка, купившего шампанское, есть предложение. Разопьем бутылку вместе? Сэнди Локк».

Ина подняла глаза и увидела улыбающегося мужчину в

растянутой до пупа модной «пиратской» рубаше, с яркой повязкой на голове и позолоченными браслетами на запястьях. Незнакомец, вытянув руку, держал палец на пробке.

Гнев Ины улетучился, как утренний туман под лучами солнца.

Сэнди оказался странным типом. Он небрежно отмахнулся от жалоб на то, что глупо не иметь шампанское в таком отеле, и перевел разговор в другое русло. К ней немедленно вернулось раздражение, и спать Ина отправилась одна. В девять утра к постели подкатилась автоматическая тележка с перевязанной алой лентой бутылкой шампанского и букетиком цветов. Когда они встретились у бассейна в одиннадцать, Сэнди спросил, понравилось ли ей вино.

– Так это вы все подстроили! Вы работаете в здешней сети отелей?

– В этом болоте? Вы меня обижаете. Третьесортные конторы не мой профиль. Поплаваем?

Ина проглотила уже готовый сорваться с языка вопрос. Ей не терпелось узнать, на кого работал ее новый знакомый – государство или гиперкорпорацию? Существовал и третий вариант. В этом случае перспективы выглядели настолько заманчивыми, что она не отважилась спугнуть зверя без дальнейшей подготовки. А потому попросту ответила: «Ага, давай». И сбросила одежду.

Карточку вин обновлять не пришлось. Менеджер совершенно недоумевал. Ина поняла, что ее догадка попала в точ-

ку. Во время завтрака в постели на следующее утро она задала вопрос в лоб:

– Штырь, признавайся, ты консультант по компьютерному саботажу?

– Скажу, если кровать не прослушивается.

– А она прослушивается?

– Нет. Я проверял. Есть вещи, которые нельзя доверять компьютерам.

– И не говори. – Ина поежилась. – Некоторые из моих коллег по «ЗК» живут в Трианоне, где опробуются новые виды образа жизни. Хвастают, что за ними наблюдают день и ночь, и спорят о преимуществах сверхсовременных «жучков». Не знаю, как они выдерживают.

– Выдерживают? – насмешливо переспросил Сэнди. – Это вопрос не выдержки, а сохранения общественного статуса. Более того, для них это подпорка. Пройдет несколько лет, и бедолаги разучатся стоять на своих ногах.

Почти весь день Ина дрожала от возбуждения. Подумать только! По чистой случайности она наткнулась на всамделишного живого члена престижной элитной группы, крохотного тайного клана консультантов по компьютерному саботажу! Их ремесло было совершенно легальным при условии, что они не будут трогать данные государственных департаментов, защищенные законом Макбанна – Кратча о «максимальном благе для максимально числа граждан». Тем не менее такие эксперты светились так же мало, как агенты про-

мышленного шпионажа. Вежливее было бы спросить, не занимается ли он ИТД – извлечением труднодоступных данных.

Ина осторожно намекнула на предмет своей озабоченности. Долго ли она сможет, меняя работу, продвигаться вверх, а не вбок? Сначала Сэнди ответил отговоркой:

– А-а, почему бы тебе не перейти во фрилансеры, как это сделал я? Такая работа мало отличается от штепсельного образа жизни. Надо только привыкнуть.

В голове Ины мелькнул образ «фрилансера» – одинокий рыцарь-защитник чести дамы сердца и христианской справедливости, королевский курьер, тайный агент, купец-путешественник...

– Я об этом, естественно, думала. Однако, прежде чем принимать окончательное решение, хотела бы узнать, что написано в моем личном деле.

– Могла бы попросить меня навести справки.

– Ты хочешь сказать, – у нее сперло дыхание, – что работаешь по заказу?

– По заказу? – Он осторожно прихватил острыми зубами ее сосок. – Нет, титечка моя, такие вещи я делаю бесплатно.

– Не прикидывайся, что не понял!

Сэнди рассмеялся.

– Не возбуждайся. Разумеется, я понял. Мне даже интересно поковыряться в «ЗК».

– Ты серьезно?

– Вполне. Но только после отпуска.

Задумчиво – два часа утра, недосып гарантирован, ну и черт с ним! – она сказала:

– Проблема не в том, что компьютеры могут знать о человеке такие вещи, о которых не рассказывают даже мозгоправу, не говоря уже о супругах или начальниках. Проблема в незнании того, что именно им известно.

– Свидак. Я видел массу народа, дестабилизированного такой формой неизвестности вплоть до паранойи!

– Свидак?

– Ты не смотришь хоккей?

– Иногда смотрю, но меня нельзя назвать фанаткой.

– Я тоже не фанат. Просто мне положено быть в теме. Выражение идет от французского *je suis d'accord* – я согласен. На юг его привезли канадские игроки. Я думал, теперь все о нем знают.

– О, да! Я слышала, как Кейт произносила его в разговоре с друзьями! – ляпнула Ина, не успев прикусить язык.

– Кто-кто?

– Э-э... моя дочь. – Ина задрожала в предчувствии неизбежного продолжения.

– Я не знал, что у тебя есть дочь. В школе учится?

– Э-э... нет... в университете. В Канзас-Сити.

За этим последовала короткая пауза, отягощенная вычислениями в уме, с головой выдающими ее положение на возрастной шкале.

Однако мужчина – истинный джентльмен – только усмехнулся.

– Не паникуй. Я все о тебе знаю. Думаешь, я стал бы представлять шампанское наудачу?

Что ж, логично. Прошла секунда, и она тоже рассмеялась. Взяв себя в руки, Ина спросила:

– Ты правда согласен приехать в КС?

– Если у тебя хватит на меня денег.

– У «ЗК» на кого хочешь хватит денег. Под каким соусом ты обычно себя подаешь?

– Как системный рационализатор.

Ина просияла.

– Превосходно! Мы только что потеряли начальника отдела в этой области. Прервал контракт и... Скажешь, ты этого не знал? – вдруг насторожилась она.

Сэнди покачал головой, подавляя зевок.

– До встречи с тобой у меня не было причин ковыряться в данных «ЗК».

– Ну да, естественно. Как ты попал в эту сферу, Сэнди?

– Мой папа был телефонным фриком, это у меня в генах.

– Я хочу услышать нормальный ответ.

– Не знаю. Может быть, из-за смутного подозрения, что люди ошибаются, утверждая, будто они не в состоянии уследить за всем миром и вынуждены поручать эту задачу компьютерам. Я не хотел застрять в тупике эволюции.

– И я не хочу. Хорошо, я возьму тебя на работу в КС, Сэн-

ди. Мне кажется, ты правильно смотришь на жизнь. И глоток свежего воздуха нам тоже не помешает.

Продан с потрохами главному боссу

– Я не мявкаю. Затырок просто улетный. После того, как Курт свалил, мы остались без системного чесала. Не хочу кидаться настурциями в Джорджа, но работать с ним все равно что ходить босиком по битому стеклу – не мне вам говорить.

Да-да, конечно. Он сам попросил взять его на испытательный срок. Два месяца. Может быть, три. Посмотрим, как он вольется в коллектив.

Сейчас он на отдыхе. Как я и говорила, встретила его на островах Си-Айлендс. У меня есть его координаты.

Отлично. Вот, запишите его личный код: 4GH...

Программа обу(рас)стройства

В частоколе из тысячеметровых башен вокруг аэропорта «Мид-Континентал» имелись две прорехи – против обыкновения не память о взрыве во время бунта или нападения племени, а следствие катастрофы двух авиалайнеров вертикального взлета – одного при подскоке, другого на посадке, которых на прошлой неделе одновременно снесло с репульсоров в сторону. Ходили слухи, что аварию скорее все-

го вызвал запуск последней орбитальной фабрики компании «Земля-Космос» с их космодрома в штате Канзас на западном берегу реки Миссури. Очевидно, кто-то забыл оповестить авиакомпанию о мощности и радиусе действия ударной волны. Расследование не закончилось, однако «ЗК» в здешних местах держала в руках слишком много власти, чтобы оно могло закончиться предъявлением обвинения в халатности.

И все-таки в подпольных пулах «Дельфи» на результат расследования делалось много ставок. Законным пулам предугадывать исход судебных разбирательств, естественно, запрещалось.

Фасады непострадавших башен – хоть деловых, хоть жилых – были безлики и угрюмы, как вылизанные временем кладбищенские надгробия. Башни были построены в стиле «и так сойдет», которым архитектура болела в девяностые годы прошлого века. У этого стиля имелось более лестное название – «анти-модерн», не прижившееся из-за малоубедительности. Постройки оскорбляли человеческое достоинство не меньше гробов, в которых хоронили жертв великого землетрясения в Заливе. Разрушение Сан-Франциско и почти полное уничтожение Беркли и Окленда за одну ночь едва не обанкротили страну, поэтому все, абсолютно все приходилось проектировать без каких-либо излишеств.

В отчаянной попытке сделать хорошую мину при плохой игре новые здания строили «экологичными», другими сло-

вами, с мощной изоляцией, современными системами переработки мусора, каждой квартире выделяли наружную площадку, улавливающую хотя бы парочку солнечных лучей за день и якобы достаточную по размеру, чтобы сажать овощи и фрукты на гидропонике для нужд целой семьи. В итоге в общественном сознании отпечаталось, что современное эффективное здание обязано быть голым, уродливым, неприятным и серым.

Видимо, игра была слишком уж плоха, чтобы получилась хорошая мина.

Благодаря умным поправкам, внесенным в маршрут самолета компьютерами авиакомпаний, Сэнди прибыл в аэропорт на несколько минут раньше. Он договорился встретиться с Иной в главном зале, но, покинув камеру снятия статического электричества у выхода для прибывающих пассажиров и ощущая легкое покалывание, нигде не увидел новую знакомую.

Медлительность была не в характере нового персонажа. Растирая плечи и размышляя, что при всем совершенстве, экономичности и экологичности электрического самолетного лифта пассажирам чертовски трудно избавиться от накопившихся статических зарядов, он заметил щит, указывающий местонахождение общественных досок объявлений «Дельфи».

Почти все вещи, купленные под стать новому образу, уже находились в процессе доставки в квартал для новобранцев

«ЗК». Помимо них у Сэнди имелась при себе сумка весом девять кг. Он перехватил автоносивильщика прямо под носом у злющей дамы, осыпавшей его градом проклятий, и, сверившись со светящимся на боку автомата тарифом, перевел со своего кредита тридцать пять долларов за час обслуживания. Тарифы были выше, чем в Толедо, однако этого следовало ожидать – по стоимости жизни Трианон, находившийся отсюда всего в ста километрах, занимал второе место в мире.

До истечения перечисленного кредита автомат был обязан верой и правдой таскать багаж за владельцем в мягких пластмассовых челюстях, словно хорошо обученный пес, на кого он, собственно, и был похож вплоть до запрограммированного поскуливания на 55-й минуте и воя на 58-й.

На 60-й автомат попросту бросал багаж и убегал прочь.

Сопровождаемый механической собакой Сэнди посмотрел на высоко подвешенный дисплей и натренированным взглядом ухватил быстро меняющиеся цифры. Первым делом он проверил свой любимый сектор социального законодательства и с удовлетворением отметил, что выиграл две ставки. Несмотря на мощный нажим президенту так и не удалось продать тюремные сроки за клевету на его личных референтов – попытайся он это сделать, мог запросто растерять большинство. Кроме того, решение ввести в Америке русские методы обучения математике очевидно тоже будет принято, если учесть, что новые пари все еще заключались несмотря на то, что соотношение ставок сократилось до пя-

ти к четырем. У США не было выбора, в противном случае победы на математической олимпиаде пришлось бы ждать еще очень долго.

В его любимом секторе шансы на выигрыш были не очень привлекательны за исключением десяти к одному против принятия новой поправки к Конституции, определяющей границы избирательных округов на основании профессиональной принадлежности и возраста, а не географии. Мысль, вероятно, имела смысл, но люди пока не созрели, чтобы ее принять. Может быть, следующее поколение созреет?

Сэнди сосредоточился на социальном анализе, предлагавшем выигрыш в двойном и даже тройном размере. Он поставил тысячу на то, что в текущем году число ограблений в Нью-Йорке на одного взрослого жителя превысит десять процентов. Показатель очень долго колебался на отметке восьми процентов, игроки начали охладевать, однако начальником полиции Бронкса назначили человека с репутацией крутого парня, а значит, скоро жди всплеска грабежей.

Сладкие шансы в области технологических прорывов: по старой привычке Сэнди поставил еще тысячу на появление не позднее 2025 года «гравитационной горки» между Землей и Луной. С ней постоянно происходили досадные сбои. Замысел состоял в том, чтобы вытаскивать грузы с Луны на кабеле длиной больше расстояния до нейтральной точки и забрасывать их прямо в гравитационный колодец Земли с приземлением в нужном месте без дополнительных рас-

ходов. Две первые попытки закончились неудачей. Однако шли разговоры, что в Новой Зеландии кто-то создает нити из одного кристалла протяженностью в целую милю. Если это правда...

Пара пожилых мужчин с жадными лицами, один чернокожий, один белый, явно не собиравшиеся никуда ехать и околавивавшиеся здесь, чтобы убить время, заметили, как Сэнди делает ставки. Оценив дорогой наряд и внешность состоятельного человека, они после недолгих препирательств решили заключить пари по пятьдесят долларов с носа.

– Шансы лучше, чем на скачках, – сказал один.

– Я так любил лошадей! – отозвался другой. Оба удалились, недовольно ворча, словно им хотелось выплеснуть скопившееся в душе напряжение через ссору, на которую ни один не хотел идти из опасения потерять единственного друга.

Гм! Интересно, служат ли фондовый рынок и скачки прообразом систем «Дельфи» в России и Восточной Германии, как у нас? Известно ведь, что в Китае...

В этот момент Сэнди заметил соотношение, в которое отказывался поверить. Три к одному в пользу того, что генетическая оптимизация к 2020 году станет коммерческой услугой, а не привилегией госчиновников, директоров гиперкорпораций и миллиардеров. Последний раз шансы на выигрыш составляли двести к одному невзирая на то, что общество было целиком и полностью «за». Подобный обвал не иначе

как-то связан с утечкой инсайдерской информации. Должно быть, один из многих тысяч сотрудников и «учащихся» Парелома поддался соблазну продать все накопленные в голове данные, и корпоративные ученые азартно стараются обратить слабую надежду в само собой сбывающееся пророчество.

Если только не...

О, нет! Неужели они поняли, что от них кто-то ускользнул? Неужели через столько лет – целых шесть смертельных, презренных лет – моя тайна просочилась наружу?

Нет, вряд ли тут есть какая-нибудь связь. Но даже если так!..

Окружающий мир закачался пред глазами на одну-две минуты, наполненные гулкими ударами сердца. Сэнди резко толкнули. Краем глаза он уловил, что это сделал «рачитель» с яркой зелено-белой нашивкой «Меньше энергии!» – один из тех типов, кто из принципа не до конца использовал выделенный рацион электроэнергии и делал все, чтобы помешать использовать его другим. По слухам, в КС расплодилось масса таких «рачителей».

В этот момент звонкий голос произнес:

– Сэнди! Рада тебя видеть! Что-то случилось?

Огромным усилием он взял себя в руки, успокоился и вернулся в состояние, в котором смог заметить, что Ина полностью переменяла свой имидж отдыхающей на курорте. На ней был легкий, но жесткий комбинезон строгого черно-бе-

лого цвета, волосы завязаны шарфом. Вылитая начальница отдела, снизошедшая до встречи нового работника, которому предстояло занять в иерархии место выше среднего.

Поэтому он не полез целоваться или пожимать руку, а просто сказал:

– Привет! Все в порядке. Увидел хороший расклад по моей рискованной ставке. Когда-нибудь я доиграюсь, и мой кредит обнулится.

Отвечая, Сэнди направился к выходу. Ина и автоносильщик не отставали.

– У тебя есть багаж? – поинтересовалась она.

– Только то, что со мной. Остальное отправил напрямую. Я слышал, что ваш квартал для новеньких довольно хорош.

– О, да. У него неплохая репутация. Сдан в эксплуатацию десять лет назад, и до сих пор ни одного случая экологического психоза. Раз уж зашла речь о размещении, надо спросить, планируешь ли ты перевозить с собой свой дом. На участке сейчас освободилось место для одного дома. Следующую фабрику мы начинаем строить только в сентябре.

– Нет. Я пользовался старым домом уже четыре года и решил поменять его на новый с доплатой. Может быть, здесь его и построю. Говорят, в КС есть хорошие архитекторы.

– Чего не знаю, того не знаю. Я предпочитаю штепсельные квартиры. Может, кто-нибудь на приеме подскажет.

– Тогда спрашиваю. В котором часу прием?

– В восемь. Приемный зал – на цокольном этаже. Придут

все, кто что-либо из себя представляет.

Парадокс, следующая остановка – эрдокс

– Я не желаю, чтобы вы меня грузили новыми фактами не потому, что я уже все для себя решил. А именно потому, что пока еще ничего не решил. У меня сейчас больше фактов, чем я могу переварить. Так что ЗАТКНИТЕСЬ! Вы слышите? ЗАТКНИТЕСЬ!

Постановка на (неу)довольствие

Несмотря на строго временный характер, помещение существенно отличалось от номера в отеле. Сэнди с одобрением заметил детали, делавшие новое жилье похожим на с умом обставленную частную квартиру. Выдвижные фактурные стенки позволяли перегородить главную комнату полудюжиной различных способов. Декор тяготел к нейтральным оттенкам – бежевым, светло-голубым, белым. С помощью панели управления около двери Сэнди немедленно переключил расцветку на сочный темно-зеленый, красновато-коричневый и тускло-золотистый тона. Расцветку обеспечивали лампы, скрытые за полупрозрачными стенами. Бытовые приборы – тривизор, поляризатор для чистки одежды и прикрепленный к ванне электротонизатор относились к дорогим

моделям для домашнего пользования, а не захудалым для номеров серийных отелей. Пожалуй, самым важным отличием была возможность не только отодвигать портьеры, но и открывать окна. В отелях окна давно уже не открывались.

Из любопытства Сэнди открыл одно из окон и немедленно услышал гул и рев, которых минуту назад благодаря сверхэффективной звукоизоляции новый жилец практически не слышал.

Что за черт?

Через мгновение он понял: не черт, хотя адский огонь налицо.

Ослепительное, как вспышка магния, пламя столбом поднялось над деревьями, к грохоту добавилась ударная волна. Прежде чем яркий свет заставил зажмуриться и отвернуться, Сэнди, лихорадочно нащупывая оконную задвижку, успел рассмотреть рассчитанный на одного человека иглообразный орбитальный корабль.

Наверняка один из ремонтников «ЗК», вылетающий на орбиту. Компания гордилась быстрым и эффективным послепродажным обслуживанием, а так как три из четырех проектов были одноразовыми, новые рабочие участки на орбите возникали каждую неделю — это помогало компании удерживать свой рейтинг.

Увы, он был не так высок, как пытался внушить публике совет директоров «ЗК». Сэнди проверял. Среди задач, которые ему должны были поручить, хотя Ина не говори-

ла об этом вслух, числилось хищение у корпорации-конкурента научных данных по созданию так называемых «оливиров», электронных альтер-эго, снимающих с владельца заботу о поддержании личных контактов. Это был современный эквивалент древнеримского номенклатора, шепотом подсказывавшего императору нужные имена и факты, благодаря чему тот слыл обладателем феноменальной памяти. «ЗК» остро нуждалась в диверсификации, но, прежде чем купить маленькую компанию, действующую в этой области, требовалось узнать, не вышел ли кто-то другой на этап коммерческого запуска похожего проекта.

Если выдать нужный ответ всего через несколько дней после поступления на работу, можно смело распускать хвост.

Дальнейший осмотр жилища выявил аккуратно спрятанный под кроватью аппарат для снятия стресса с хоботком двойного назначения – женщина могла его выдвинуть, мужчина вдавить обратно. Или не вдавливать – кому как нравится. Поверх хоботка имелся маленький экран с хорошей резкостью, картинки менялись, как сообщала инструкция, каждые восемь суток. В комплекте – наушники и маска с двадцатью видами запахов на выбор.

Сэнди решил как-нибудь опробовать прибор, но до поры вернул его в гигиенический футляр. Для штепсельного стиля жизни такое устройство не являлось излишеством. Однако пользоваться им следовало в меру – два-три раза, не больше. Корпорации вроде «ЗК» подозрительно относились

к людям, предпочитавшим автоматы межличностным контактам. А уж следить за ним точно будут.

Сэнди вздохнул. Докатались... Люди теперь довольствуются (или вынуждены довольствоваться?) механической гратификацией. Хотя в некоторых случаях так даже лучше – она полезна тому, кто обладает слишком глубокой эмоциональной привязанностью или, наоборот, полностью ее лишен, для человека, страдающего от ломки после смены работы или перевода в другой город, оборвавшего все привычные связи. Или для того, которому лучше держаться от временных коллег подальше.

Уже не первый раз в голову Сэнди пришла мысль из разряда «не было счастья, да несчастье помогло». Ему повезло, что его собственное эмоциональное развитие затормозилось, позволяя ни к чему не прикипать душой, а просто брать от жизни то, что нравится. Эта позиция была намного выгоднее и эфемерных привязанностей, которые он испытывал ребенком, и жесткой обезличенности Парелома, когда был подростком.

О Пареломе лучше не вспоминать. Принимая душ, Сэнди с удовольствием оценил свое новое положение. Многие будут зависеть от личности коллег, с которыми он встретится на приеме, однако они скорее всего представляют собой добрых надежных штепсельных работников, да и характер работы идеально подходил к его способностям. Большинство коммерческих систем работали нелогично и нередко дубли-

ровали друг друга. Он без большого труда распутает пару узлов, сэкономит «ЗК» парочку миллионов в год и докажет, что не зря называется системным чесалом. Через пару недель его будут считать незаменимым.

Тем временем, пользуясь корпоративным статусом, новый работник проникнет в закрытые сети данных. В этом весь смысл переезда в КС. Сэнди хотел – нет, просто был обязан – добыть такие данные, о каких не мог мечтать в личине священника. После побега из Парелома первые шесть лет намеченные планы сбывались, так что...

Сэнди вышел из душевой кабинки, подставив тело струям горячего воздуха, как вдруг услышал громкий шум крови в ушах – бух-бух-бух. Шатаясь и злясь, он ухватился, чтобы не упасть, за край раковины, поймал в зеркале отражение Сэнди Локка – осунувшееся, мгновенно постаревшее на десять лет лицо – и только тут понял, что не успевает добежать до нейролептиков, которые оставил в главной комнате. Придется преодолевать приступ, не сходя с места, призвав на помощь дыхательные практики йоги.

Во рту пересохло, живот напрягся, как барабан, зубы порывались стучать, но не могли, потому что челюсти были стиснуты мышечным спазмом, зрение помутилось, а правую икру полоснула острая, словно лезвие ножа, судорога. Вдобавок стало жутко холодно.

К счастью, это был не сердечный приступ. Не прошло и десяти минут, как он добрался до ингалятора, а на прием

явился всего с трехминутным опозданием.

От 500 до 2000 раз в день

Кто-то где-то в доме или квартире, а может, номере отеля или мотеля – красивом, удобном, в аде крошечном...

Пьяный вдрызг, оцепеневший от страха или со съехавшей крыши, этот кто-то хватает телефон и набирает самый знаменитый номер на континенте – десять девяток Уха доверия.

Говорит в пустоту через светящийся экран. Это такая служба. Мягче исповеди. Не требующая покаяния. Бесплатная – не то что психотерапия. Не дающая никаких советов, чем отличается в лучшую сторону от всяких сукиных сынов (и дочерей тоже), вообразивших, что знают ответы на все вопросы, и продолжающих свой нудеж, пока вам не захочется ЗАОРАТЬ.

Услуга, сродни гаданию на «Книге перемен», способ сосредоточить внимание на реальности. Но главное, клапан для выпуска стресса, который не получается преодолеть самому из страха, что ваши друзья, услышав об этом, чего доброго, заклеят вас неудачником.

Некоторым бедолагам Ухо доверия, похоже, все-таки помогает. Показатели самоубийств не растут.

Серия воплощений

Сегодня, как сообщили бесстрастные приборы, субъекта будет лучше полностью привести в сознание. Он слишком много времени – последние сорок два дня – провел в состоянии, похожем на транс, что ставило под угрозу осознание себя как реальной личности. Пол Фримен был даже рад. Его все больше увлекал этот человек, чье прошлое совершило столько невероятных зигзагов.

С другой стороны, над ним довлел диктат Федерального бюро обработки данных, требовавшего представить полный отчет в как можно более сжатые сроки. Для этого сюда и прилетал Хартц. В отличие от рутинных «привет-как-дела-хорошо-до-свидания», Хартц проторчал здесь целый день. Кто-то в Вашингтоне о чем-то догадывался. Или, по крайней мере, неосторожно высунулся с инициативой и теперь срочно нуждался хоть в каком-нибудь результате.

Фримен решил пойти на компромисс. Можно один день не прокручивать записанные в памяти события, а поговорить как живой человек с живым человеком.

Он заранее предвкушал удовольствие от разговора.

– Вы знаете, где находитесь?

Бритый облизнул губы, ощупал взглядом голые белые стены.

– Нет, но догадываюсь, что в Пареломе. Я всегда вообра-

жал, что в безликих секретных постройках в восточной части кампуса прячутся именно такие помещения.

– Какие чувства вызывает у вас Парелом?

– По идее, я должен коченеть от ужаса, но вы мне, видимо, что-то вкололи, поэтому я ничего не чувствую.

– Однако после вашего первого приезда в Парелом вы испытывали совершенно другие эмоции.

– Еще бы. В то время центр казался мне раем на земле. Чем он еще мог казаться ребенку с моим прошлым?

О нем в архивах сохранились записи: отец пропал, когда сыну было пять лет, мать продержалась год и сгинула в алкогольном угаре. Но мальчишка оказался живучим. Было решено, что из него получится неплохой «сын на прокат». Он был явно умен, вел себя тихо и достаточно воспитанно, не имел грязных привычек. Поэтому с шести- до двенадцатилетнего возраста кочевал из одного современного, «умного», иногда даже роскошного дома в другой из тех, что компании снимали для бездетных супружеских пар, присланных на временную работу из других городов. «Родители», как правило, хорошо к нему относились, одна пара даже всерьез подумывала об усыновлении, но в последний момент не решилась окончательно связать себя с ребенком, чей цвет кожи отличался от их собственного. Как бы то ни было, несостоявшиеся приемные родители утешали себя тем, что парень получил прекрасное представление о штепсельном образе жизни.

Мальчик воспринял их решение довольно спокойно.

Однако несколько раз после этого, когда вечером его оставляли дома одного (что случалось не так уж редко – ему доверяли), он подходил к телефону и, снедаемый чувством вины, нажимал десять девяток. Так делала его настоящая мать последние несколько жутких месяцев перед тем, как что-то сломалось у нее в голове. После чего изливал на пустой экран поток самых грязных, гнусных ругательств и, дрожа, ждал, когда анонимный голос скажет: «Хорошо, я выслушал тебя. Надеюсь, тебе полегчало».

И что самое удивительное – ему действительно становилось легче.

– Что вы скажете о школе, Хафлингер?

– Неужели это мое настоящее имя?.. Можете не отвечать. Школа мне не нравилась. Все какое-то половинчатое, словно меня прокляли, чтобы не позволить стать законченной личностью. Я и сам махнул на Ника рукой.

– А почему, помните?

– Конечно. Что бы ни говорили мои личные записи, я прекрасно помню юношеские годы. И даже детские. О Старом Нике, как в Шотландии зовут дьявола, я узнал еще в раннем детстве. Слова «уз-ник» и «преступ-ник» имеют тот же корень. Но самый главный – Святой Ник. Как воображение одновременно породило таких персонажей, как Санта-Клаус и Святой Николай, покровитель воров, я до сих пор не возьму в толк.

– Может быть, это все тот же принцип – одна рука дает, другая отбирает? Вы слышали, что в Голландии Синтерклаас приносит подарки в компании с чернокожим помощником? Тот задает порку детям, которые плохо себя вели и не заслужили подарка.

– Я о таком не слышал. Очень интересно, мистер... Фримен, если не ошибаюсь?

– Вы собирались поделиться воспоминаниями о школе.

– Зря я полез в душевные разговоры. А что школа? Все то же самое – учителя менялись еще быстрее временных родителей, у каждого нового учителя своя педагогическая теория, поэтому толком учиться не получалось. Во многих отношениях школа была адом похлеще... э-э... дома.

Высокие стены. Ворота с охраной. Вдоль стен классных помещений – ряды поломанных учебных автоматов, ожидающие приезда ремонтников, ремонт раз за разом откладывали на потом. После замены автоматов школьники в считанные дни ломали их опять – да так, чтобы уже не починили. В голых коридорах к подошвам часто прилипал песок, которым посыпали свежeproлитую кровь. Его собственная кровь пролилась только однажды – он был хитер и слыл чудаком, потому что пытался чему-то научиться, в то время как все остальные благоразумно сидели и ждали, когда им исполнится восемнадцать. Он старался избегать заточек, бит и огнестрела, проколовшись всего один раз. Хорошо, что рана оказалась неглубокой и не оставила шрама.

Его хитрости не хватало только для одного – вырваться из этой среды. Государственный комитет просвещения властно определил, что в жизни «детей на прокат» должен присутствовать некоторый элемент стабильности, а потому они были обязаны продолжать обучение в той же школе, где бы ни проживали на данный момент. Ни одна из временных родительских пар не задерживалась по соседству достаточно долго, чтобы довести борьбу с этим постановлением до победного конца.

Когда ему исполнилось двенадцать, в школу прислали учительницу по имени Адель Бриксэм – такую же упертую, как он сам. Адель обратила на мальчишку внимание и, очевидно, успела куда-то направить какой-то отчет, прежде чем ее заманили в ловушку, хором изнасиловали и у нее случился перегруз. В любом случае через неделю или около того классное помещение и прилегающий коридор оккупировал целый взвод госслужащих, мужчин и женщин в форме, с оружием, в обвязках и защитной броне. Класс впервые собрали полностью за исключением одной девочки, лежавшей в больнице.

Визитеры устроили экзамены, от которых невозможно было отвертеться – попробуй удрать, когда над душой стоит тип с мертвыми глазами и кобурой на боку. Никки Хафлингер вложил в шестичасовой экзамен – три часа перед обедом под жестким надзором и три после – всю свою тоску по признанию. Даже в толчок водили под конвоем. Тем из детей, кто

раньше не подвергался аресту, такое обращение было в новинку.

После «ай-кью» и коэффициента эмпатии, а также тестов на восприятие и асоциальность – обычных, только более подробных – начался лютый трэш: тесты на латерализацию функций, двойную оценку, решение открытых дилемм, ценностные суждения, здравый смысл... и это было увлекательно! Последние полчаса он буквально кайфовал от понимания, что человек способен находить правильный выход из непредвиденного положения и что этот человек – Никки Хафлингер!

Чиновники принесли с собой портативные компьютеры. Постепенно Никки начал замечать, что с каждой распечаткой чужаки в серой форме все чаще смотрели на него, а не на остальных детей. Те тоже это заметили, на их лицах появилось хорошо знакомое выражение: *сегодня после уроков мы порвем тебе задницу на британский флаг!*

К исходу шестичасового экзамена Никки в равной мере дрожал от ужаса и восторга, но все равно не мог удержаться и продолжал отвечать на вопросы, прилагая все свои знания.

До нападения и обнучивания по пути из школы домой дело, однако, не дошло. Отвечавшая за всю процедуру женщина выключила компьютер и повела бровью в сторону Ника. Трое верзил, достав оружие, окружили его и добродушно приказали: «Не дергайся, сынок, и ничего не бойся».

Одноклассники по одному вышли вон, бросая через плечо

растерянные взгляды и в бешенстве пиная дверные косяки. Потом обнучили кого-то другого – термин родился из сочетания «обнаружить и уничтожить» – и этот кто-то лишился одного глаза. Однако к тому времени Никки благополучно прибыл домой в государственном лимузине.

На следующее утро он проснулся в Пареломе, полагая, что оказался на полпути в рай.

– Теперь-то я понимаю, что попал в ад. Кстати, почему вы один? У меня сохранилось смутное воспоминание: когда я очнулся, вас было двое, хотя говорили почти все время вы. Здесь обычно еще кто-то находится?

Фримен настороженно покачал головой.

– Но здесь был кто-то еще. Я уверен. Он что-то говорил о том, как вы ко мне относитесь. Что ему страшно.

– Да, это правда. Здесь был посетитель, он присутствовал на дневном допросе и произнес эти слова. Однако он не сотрудник Парелома.

– Место, где не бывает невозможного...

– Можно и так сказать.

– Ясно. Мне это напомнило одну старую смешную байку, которую я слышал в детстве. Я никому не рассказывал ее много лет. Надеюсь, она достаточно вышла из обращения и не покажется вам банальной. Одна нефтяная компания в... скажем, тридцатые годы прошлого века хотела произвести впечатление на арабского шейха. Они прислали за ним самолет. В то время и в тех краях самолеты все еще были ред-

костью.

– Когда самолет поднялся на высоту трех километров, а шейх не моргнул и глазом, его спросили: «Ну как, впечатляет?» Шейх ответил: «Потому что самолет летит? А разве он не для этого предназначен?» Да, я слышал эту историю. Из вашего личного дела.

Наступила короткая пауза, заряженная скрытым напряжением. Наконец Фримен спросил:

– Что именно убедило вас в том, что вы попали в ад?

Сначала кто быстрее бежит. Потом – кто быстрее стреляет. Теперь...

Афоризм Ангуса Портера – не просто гламурная шутка для вечеринок. Люди не подозревают, насколько буквальным стал его афоризм.

В Пареломе, в Кредибель-Хилле, в какой-то дыре в Скалистых горах, которую Никки знал только по условному названию «Электрополымя», и многих других местах, рассыпанных от Орегона до Луизианы, находились секретные центры особого назначения. Все они преследовали одну задачу – эксплуатацию гениальности. Их история уходила к примитивным «мозговым центрам» середины двадцатого века, но лишь в таком же смысле, в каком ЭВМ на твердотельных элементах брала начало от табулятора Холлерита.

Аналогичные центры имелись у всех супердержав и множества второстепенных и третьестепенных стран. Соревнование умов продолжалось не одно десятилетие, некоторые

страны вступили в него, опережая других на голову. (Этот каламбур был хорошо известен и простителен.)

Например, в России давно стали популярны математические олимпиады, право на продолжение учебы в Академгородке считалось высшей почестью. В Китае жуткое демографическое давление вынудило правительство отказаться от импровизаций в жестко заданных марксистско-маоистских рамках и начать целенаправленный поиск оптимальных управленческих методов с применением варианта перекрестного матричного анализа, для которого китайский язык оказался особенно удобной средой. Еще до наступления нового века была систематизирована схема, доказавшая свою невероятную эффективность. В каждую коммуну и деревню присылали колоду карт с иероглифами, имеющими отношение к наступающим переменам как общественного, так и технического свойства. Тасование карт и создание новых комбинаций символов позволяло автоматически генерировать свежие идеи, люди на общественных собраниях подробно обсуждали ожидаемые последствия и назначали представителя, который суммировал различные взгляды и докладывал о них в Пекин. Метод был дешев и на удивление эффективен.

Однако он не подходил для западных языков – за исключением эсперанто.

США по-настоящему присоединились к гонке умов с большим опозданием. Великое землетрясение в Заливе за-

ставило нацию очнуться и сделать печальный вывод, что страна уже не в состоянии переварить даже природную катастрофу местного значения, не говоря уже о ядерном ударе, способном уничтожить миллионы человек. Но и после этого для смены приоритета с мускулов на мозги потребовался не один год.

Во многих отношениях переход застрял на полдороге. «Электрополымя» по-прежнему занималось почти исключительно оружием, хотя теперь упор делался на оборону в истинном смысле слова, а не контрудары или превентивную стратегию. (Название, разумеется, выбрали согласно пословице «из огня, да в полымя».)

Зато центр в Кредибель-Хилле олицетворял новый подход. Здесь ведущие аналитики постоянно следили за общенациональными пулами «Дельфи», чтобы поддерживать высокий индекс социального спокойствия. После 1990 года смутяны трижды едва не устроили кровавую революцию, но всякий раз ее отменяли. Наиболее горячие пожелания публики удавалось отследить по динамике заключений пари; то, что можно было изменить, меняли, а то, что нет, тщательно удаляли из тривизора. Когда государство ради отвлечения внимания публики от какого-нибудь нежелательного явления искусственно снижало шансы на выигрыш в «Дельфи», лучшие эксперты лезли из кожи вон, чтобы уберечь от ущерба другие элементы системы.

Новым поветрием была сверхсекретная работа, которая

велась в Пареломе и других центрах.

Зачем их создавали? Чтобы раньше всех точно определить генетические предпосылки гениальности.

– Гениальность звучит в ваших устах как ругательное слово, Хафлингер.

– Возможно, я снова опережаю свое время. То, чем вы тут занимаетесь, неизбежно опошлит этот термин, причем очень скоро.

– Я не стану тратить время на возражения. Иначе бы я здесь не работал. Разве что вы сами дадите определение, что понимаете под гениальностью.

– Мое определение не отличается от вашего. Только я говорю, что думаю, а вы занимаетесь подтасовками. Отличие гения от просто умного человека состоит в том, что гений способен принять правильное решение в ситуации, не имеющей прецедентов. Гения штепсельный образ жизни не доведет до перегруза. Ему не потребуется вправлять мозги в психиатрической клинике. Ему ни по чем смена мод, появление и исчезновение жаргонных словечек, сумасшедший круговорот общества двадцать первого века. Подобно дельфину, оседлавшему носовую волну корабля, он всегда чуть впереди и в стороне, но не сбивается с курса. И при этом получает жуткий кайф.

– В высшей степени соблазнительное достоинство, если вас послушать. Почему же вы настроены против нашей работы?

– Потому что побуждением для ваших действий здесь и в других местах служат не любовь к уму или желание поставить гений на службу общества. Вами руководят страх, подозрения и алчность. Вы и все, кто стоит выше и ниже вас, от дворника до... черт!... самого президента или даже людей, для кого президент – кукла-марионетка, все вы боитесь, что кто-то другой, мысля, еще больше увеличит силу своего интеллекта в то время, как вы все еще копошитесь на уровне полудурков. Вас настолько пугает вероятность того, что решение проблемы найдет кто-то другой – в Бразилии, Филиппинах или Гане, что боитесь даже навести справки. Меня тошнит от этого. Если на планете есть хоть один человек, знающий выход, если есть хотя бы намек на существование такого человека, то единственный разумный подход – сесть у его порога и терпеливо ждать, пока он не заговорит с вами первым.

– И вы считаете, что такой выход – уникальный и неповторимый – существует?

– Ни фиги. Скорее всего вариантов выхода многие тысячи. Но я четко вижу одно: пока вы тщитесь найти конкретное или хотя бы какое-никакое решение первыми, вы будете терпеть неудачу за неудачей. А тем временем другие люди с другими проблемами будут скромно довольствоваться тем, что дела в этом году идут не хуже, чем в прошлом.

В Китае... Почему-то всегда речь сначала заходит о Китае. Самая населенная страна мира – с кого же еще начи-

нать? Когда-то у них был Мао. Потом – Консорциум, скорее смахивавший на междуцарствие. Ставки на культурную революцию в игре без козырей удвоились (вот только официальный перевод термина «культурная революция» был до смешного неточен; те, кто был в теме, скорее понимали его как «мучительную переоценку ценностей»). После чего откуда ни возмись появился Фэн Суят, так неожиданно, что на досках сообщений о зарубежных делах ставки на развал и анархию в Китае за три дня сменились на триста к одному. Фэн был образцом восточного мудреца – молодым человеком, говорят, ему не исполнилось и сорока лет, но уже способным управлять столь тонкими приемами и демонстрировать такую проницательность, что ему никогда не приходилось объяснять или оправдывать свои решения. Они попросту работали.

Возможно, этой остроте мышления его обучили. А может быть, он родился с заданными свойствами. Известно только одно: ему бы не хватило всей жизни, чтобы проявить их в полную силу естественным путем.

Особенно если бы он начинал с того, с чего начинают все обычные люди.

В Бразилии, после того как власть захватил Лоуренсо Перейра, кем бы он ни был, прекратились все религиозные войны – большой контраст по сравнению с жестокими уличными битвами между католиками и макумбистами в Сан-Пауло на рубеже веков. В Филиппинах реформы, проведенные пер-

вой женщиной-президентом Сарой Кастальдо, вдвое уменьшили чудовищную годовую статистику убийств. В Гане, когда премьер-министр Аким Гомба предложил навести порядок в своем доме, жители с весельем и шутками взялись за наведение порядка. В Корее после переворота Ын Лим Пака резко сократилось число «клубничных» чартерных рейсов из Сиднея, Мельбурна и Гонолулу, хотя раньше их прилетало по три-четыре в день. Короче говоря, гениальность вдруг пошла в гору в самых неожиданных местах.

– Вас впечатляют события в других странах, как я погляжу. Почему же вы не хотите, чтобы ваша собственная страна получила, так сказать, прививку гениальности?

– Моя страна? Нет, я, конечно, здесь родился, только... Неважно. В нынешние времена это – протухший довод. Потому что у нас принимают за гениальность то, что ею не является.

– Я предчувствую долгий спор. Пожалуй, отложим его продолжение на завтра.

– В какой режим вы меня теперь переведете?

– Во вчерашний. Мы приближаемся к точке, когда у вас все-таки случился перегруз. Я хочу сравнить ваши осознанные и неосознанные воспоминания о событиях, приведших к развязке.

– Не надо мявкать. Вам просто надоело болтать с роботом. Я вам куда более интересен, когда полностью нахожусь в сознании.

– Напротив. Ваше прошлое интригует меня намного больше, чем ваше настоящее или будущее. И то, и другое полностью запрограммировано. Спокойной ночи. Мне нет смысла желать вам хорошо выспаться – хороший сон тоже запрограммирован.

Известные факторы, подтолкнувшие Хафлингера к побегу

Доставленный в Парелом робкий, тихий, замкнутый мальчик провел большую часть детства, переезжая от одной пары «родителей» к другой, что выработало у него мимирию под стать хамелеону. Ему нравились почти все «мамы» и «папы». Ничего странного, ведь их подбирал компьютер, что на короткое время погружало Никки в самые разные сферы интересов. Если очередной «папа» увлекался спортом, мальчик проводил много часов с бейсбольной битой или футбольным мячом. Если «мама» отличалась музыкальным слухом, он пел под ее аккомпанемент или разучивал гаммы на пианино.

В то же время он не позволял себе чем-либо увлечься всерьез. Это было опасно, так же опасно, как кого-то полюбить. После перевода в новый дом прежнему увлечению мог наступить конец.

Первое время Никки не был уверен, как себя держать: другим учащимся он не доверял – почти все они были на па-

ру лет старше, к сотрудникам обращался подчеркнуто официально. Ум хранил почерпнутый из тривидения и фильмов размытый образ государственных учреждений, срисованный с кадетских училищ и военных баз. В Пареломе, однако, не было ничего похожего на военщину. Естественно, здесь существовали свои правила. В среде учеников, хотя центр открылся всего десять лет назад, успели зародиться особые традиции. За питомцами присматривали, но ненавязчиво, поэтому атмосфера была если не дружелюбной, то свойской. Люди в центре ощущали себя объединенными общей задачей подобно участникам великого похода, другими словами – духом солидарности.

Для Никки это чувство было совершенно новым. Он осознал, что ему нравится в Пареломе, только через несколько месяцев.

Больше всего Никки наслаждался контактами с людьми, любившими узнавать новое – не только взрослыми, но и детьми. Приученный в школе помалкивать и подражать злобещей угрюмости других учеников, насмотревшийся, что бывает с «умниками», он был захвачен врасплох и не на шутку потрясен новой обстановкой. Его никто не подгонял. Да, за ним наблюдали, но не более того. Ему говорили, что можно и чего нельзя делать, на этом инструкции заканчивались. Ему вполне хватало широкого – от дюжины до двадцати предметов – выбора различных занятий. Позднее любимые занятия даже не требовалось выбирать из готового спис-

ка – ему разрешили составить свой собственный.

В душе Никки как будто что-то щелкнуло. В уме, как в улье, роились новые, захватывающие мысли: у минус единицы существует квадратный корень, в Китае живет почти миллиард человек, алгоритм сжатия Шеннона сокращает письменный английский язык на пятнадцать процентов, ага, вот как на самом деле работает нейрорепетитор, слово «окей» происходит от «вовкай» на языке волоф, что означает «непрерывно» или «конечно».

В уютной личной комнате имелся дистанционный пульт компьютера, сотни таких пультов были разбросаны по всему кампусу – больше, чем по одному на каждого обитателя центра. Никки жадно ими пользовался, поглощая знания целыми энциклопедиями.

Он быстро перенял убеждение, что именно его страна должна первой использовать дар гениев в управлении миром. При таком количестве радикальных перемен как еще им управлять? Что, если вперед вырвется какая-нибудь деспотичная, несвободная культура?..

Содрогавшийся от воспоминаний о том, как плохо жить в тупой системе, Никки легко поддавался внушению.

И даже не возражал против процедуры взятия образцов мозжечковой ткани два раза в год, которой подвергались все учащиеся. (Слово «учащийся» Никки начал брать в кавычки много позже, когда стал считать себя и других «заключенными».) Образец брали с помощью микрозонда, объем пробы

не превышал пятидесяти клеток.

Никки до благоговейного трепета восхищала целеустремленность биологов, работавших в группе неприметных зданий, расположенной в восточной части кампуса. Непроницаемый барьер, окружавший их работу, немного его настораживал, но стоявшая перед ними цель представлялась похвальной. Трансплантация органов – сердца, почек, легких – и раньше была для ученых обычным делом, как замена запчастей для автомеханика. Теперь же они преследовали куда более амбициозные цели: замену рук и ног в комплекте с сенсорными и моторными функциями, возвращение зрения слепым, гестацию эмбрионов в пробирке. Никки и прежде бросалась в глаза набранная жирным шрифтом реклама «КУПИТЕ ПУПСИКА!» и «ВАШ АБОРТ – НАШ САППОРТ!». Но только в Пареломе впервые своими глазами увидел государственный грузовик, доставляющий останки нежеланных, так и не родившихся младенцев.

Это открытие немного его обескуражило, однако он без труда убедил себя, что неродившихся детей лучше привозить сюда для нужд науки, чем сжигать в больничном крематории.

И все-таки после этого открытия проклюнувшийся был интерес к генетике несколько угас. Разумеется, охлаждение могло произойти по чистой случайности. Никки почти все время тратил на пополнение незаконченного представления о современном мире, жадно глотая сведения из области

истории, социологии, политической географии, сравнительного религиоведения, лингвистики и литературы всех жанров. Учителя были довольны, другие учащиеся завидовали. У них на глазах рос счастливчик, которому прочили большое будущее.

Несколько выпускников Парелома уже работали во внешнем мире. Их было мало. На то, чтобы довести число учащихся до семисот с лишним, ушло девять лет. Приличную часть первоначальных усилий пришлось списать по методу проб и ошибок как раз на ошибки, что неизбежно бывает, когда система нова и радикальна. Теперь все это было в прошлом. Иногда ненадолго приезжал выпускник прежних лет мужского или женского пола, выражал приятное удивление по поводу слаженности, с которой работало заведение, и рассказывал наполовину грустные, наполовину веселые истории о промахах, которые он или она наблюдали во время учебы. Большинство ошибок были связаны с первоначальным предположением, будто людям, чтобы действовать с максимальной эффективностью, обязательно требуется элемент соперничества. Все обстояло ровно наоборот: одна из базовых характеристик гения состояла в способности видеть, что конкуренция является пустой тратой времени и сил. Эта проблема, пока ее не решили, создавала множество дурацких противоречий.

Жизнь в Пареломе протекала в отрыве от внешнего мира. Отпуск, естественно, давали – у многих учеников в отличие

от Никки имелись настоящие родители. Довольно часто кто-нибудь из друзей приглашал его к себе домой на Рождество, День благодарения или День труда. Однако он всегда опасался открыто высказывать мысли вслух. Учащихся не приводили к присяге, не выдавали официальный секретный допуск, и все-таки каждый ребенок сознавал, более того – гордился, что вносит вклад в спасение своей страны. Кроме того, визиты в дома друзей неприятно напоминали Никки о своем прошлом. Поэтому он никогда не соглашался гостить больше недели и с благодарностью возвращался к тому, что привык считать идеальной средой, – в место, где воздух был наэлектризован новыми идеями, в то время как повседневная жизнь была надежна и устойчива.

Перемены, конечно, тоже случались. Иногда неожиданно пропадал ученик, гораздо реже – учитель. В центре имелось для этого особое слово – «хрустнул». Как деревянная балка, не выдержавшая нагрузки, или дерево – урагана. Один учитель уволился, когда ему не разрешили посетить конференцию в Сингапуре. Ему никто не сочувствовал. Люди из Парелома на зарубежные конгрессы не ездили. Впрочем, на конгрессы в Северной Америке тоже. У них были причины избегать лишних вопросов.

К семнадцатилетнему возрасту Никки наверстал упущенное детство почти полностью. Главное – научился проявлять привязанность. Не только потому, что приобрел опыт с девочками, – он вырос в импозантного молодого челове-

ка, умел красиво говорить, и, судя по доходившим до него сплетням, слыл неплохим любовником. Важнее было то, что спокойная надежность Парелома позволяла сблизиться и со взрослыми. У него возникла настоящая привязанность к некоторым учителям. Он практически чувствовал себя поздним ребенком в огромной семье. Родни и тех, на кого можно было положиться, у Никки было больше, чем у девяноста процентов населения континента.

Пока однажды не наступил день, когда...

Обучение почти полностью сводилось к самоподготовке с помощью компьютеров и обучающих автоматов. Вполне логично. Знания, которые ты хотел получить и осознанно искал, закрепляются лучше, чем те, с которыми ты столкнулся случайно. Однако время от времени возникали ситуации, требующие совета наставника. После двух лет углубленных занятий биологией ему потребовался именно такой совет по проекту в области психологии коммуникации – о психологических аспектах афферентации. Компьютерный терминал у него в комнате тем временем поменяли на новую, более эффективную модель, которую он в шутку окрестил Роджером в честь монаха и схоласта Роджера Бэкона.

Роджер в считанные секунды сообщил, что Никки завтра в десять утра должен связаться с доктором Джоэлом Бошем из отдела биологии. Юноша прежде не встречался с Бошем, хотя и слышал о нем: ученый иммигрировал в Штаты из Южной Африки семь-восемь лет назад, был принят в Парелом

после длительной, дотошной проверки на благонадежность и по некоторым отзывам добился выдающихся успехов.

Никки терзали сомнения. Он кое-что слышал о выходцах из Южной Африки, однако ни разу не встречался с ними живьем, а потому решил придерживаться свое мнение при себе.

Юноша явился без опоздания, Бош предложил войти и присесть. Никки повиновался скорее автоматически, потому что все его внимание немедленно привлекло *нечто* в углу светлого, просторного кабинета.

У существа имелись лицо и туловище. Прямо из плеча торчала нормального вида кисть с пальцами, вторая – усохшая – кисть крепилась к концу тощей, как тростинка, руки. Ног не было вообще. Слишком крупную голову поддерживала в вертикальном положении система подпорок. Существо смотрело на Никки с выражением неопишуемой зависти. Оно напоминало девочку, родившуюся у матери, принимавшей талидомид.

Дородный, веселый Буш хохотнул при виде реакции юноши.

– Это – Миранда, – объяснил он, опускаясь в кресло. – Не стесняйся, смотри, сколько влезет. Она привыкла. А если нет, то, черт побери, пора бы уже привыкнуть.

– Что?.. – Никки лишился дара речи.

– Наша краса и гордость. И наше главное достижение. Случаю угодно, что ты один из первых, кто о ней узнал. Мы ограничивали доступ посторонних, потому что не знали, ка-

кую нагрузку на органы чувств она способна выдержать. Стоит допустить малейшую утечку информации, и желающие посмотреть на нее выстроятся в очередь отсюда и до побережья Тихого океана. Мы ее, конечно, покажем, но всему свое время. Теперь мы знаем, что Миранда наделена сознанием, и постепенно готовим ее к встрече с внешним миром. Кстати, ее «ай-кью» находится примерно в середине спектра, однако нам пришлось попотеть, прежде чем она заговорила.

Не в силах отвести взгляд, Никки заметил рядом с ушибленным телом механизм, напоминающий медленно качающиеся воздух меха, и ведущие от него к горлу девочки трубки.

– Даже если она долго не протянет, все равно станет большой вехой, – продолжал Бош. – Имя Миранда означает «достойная удивления». – Доктор ослабилсЯ. – Это мы ее сотворили! То есть соединили гаметы в заданных условиях, выбрали и вставили в нужные места нужные гены в процессе скрещивания, вырастили плод в искусственной матке – да, мы воистину ее творцы! И попутно извлекли много полезных уроков. В следующий раз нам не придется полагаться на всякие технические приквасы, результат будет жить своей жизнью без них.

– Перейдем к делу, – махнул рукой Бош. – Уверен, ты не против, если она послушает. Она, конечно, не поймет, о чем мы говорим, но, как я уже сказал, пусть привыкает к мысли, что окружающий мир населяет куда больше людей, чем три-четыре ухаживающих за ней смотрителя. Компьютер указы-

вает, что тебе нужен ликбез по...

Никки машинально назвал причину посещения, Бош с готовностью перечислил десяток свежих научных работ в нужной области. Юноша едва слушал. Покинув кабинет, он скорее доплелся, чем дошел до своей комнаты.

Не в силах заснуть, ночью он задался вопросом, которого не было в учебных программах, и в муках сам нашел ответ.

Он отдавал себе отчет, что не все отреагировали бы на увиденное, как он. Большинство друзей пришли бы в восторг, разделяя радость Боша, разглядывали бы Миранду с интересом, а не смятением, задали бы кучу дельных вопросов и похвалили бы создавшую ее команду.

Вот только до достижения двенадцатилетнего возраста Никки Хафлингер полжизни, шесть главных лет становления личности, прожил вовсе не как личность, а в роли мебели, вынужденной мириться со своей участью.

Он как будто наткнулся на задачку в случайно вытянутом экзаменационном билете – принципы обучения в Пареломе требовали от ученика находить правильное решение даже в неожиданной ситуации. Никки буквально увидел экзаменационный билет мысленным взором. Вопрос был отпечатан на светло-желтой бумаге, которую использовали для ответов из области нравственного анализа, в отличие от зеленой, зарезервированной для ответов на вопросы о государственном управлении и политике, розовой для социальных прогнозов и прочих.

Он даже смог легко представить себе шрифт, которым был отпечатан вопрос:

Проведите грань между (а) выплавкой из руды металла, который в других обстоятельствах мог бы превратиться в орудие труда, для производства оружия и (б) модификацией – для получения орудия труда – зародышевой плазмы, которая могла бы превратиться в человека. Впишите ответ поверх черной жирной черты.

И сам ответ, кошмарный и омерзительный, сводящийся к простой фразе:

Разницы нет. И то, и другое одинаково нечестиво.

Он отказывался поверить в этот вывод. Если принять его как должное, то следовало отказаться от всего, что придавало ценность короткой жизни Никки. Парелом стал для него семейным очагом в большей степени, чем он мог вообразить.

И все же Никки чувствовал себя оскорбленным до мозга костей.

Я-то думал, что приехал сюда, чтобы достигнуть максимального совершенства. Прав ли я был, теперь трудно сказать. А что, если меня попросту хотят превратить в полезного исполнителя?

Миранда умерла. Система жизнеобеспечения подкачала. Миранду воспроизвели во множестве новых версий, и, хотя эти существа не бродили по центру, образ девочки продолжал преследовать Никки Хафлингера на каждом шагу.

Он пытался в одиночку вырваться из ветвящихся щупалец

проблемы, опасаясь, что не сможет толком объяснить свои чувства друзьям.

Словечко «нечестиво» вдруг пришло на ум само собой неизвестно откуда. Он слышал его в раннем детстве, скорее всего от матери. Она, как смутно помнил Никки, была набожной то ли пятидесятницей, то ли баптисткой. Последующим «родителям» хорошее воспитание не позволяло использовать подобные скользкие эпитеты в присутствии ребенка. На компьютерных терминалах «родителей» имелся доступ к самым последним данным о воспитании детей.

Что конкретно означало это слово? То, что в современном мире считалось злом, мерзостью, несправедливостью? Никки детально разобрал определение и обнаружил последний ключик к сказанному Бошем. Даже выяснив, что Миранда обладает сознанием и средним для человека «ай-кью», ее не пощадили. Девочку и не пытались отгородить от внешнего мира, чтобы она не могла сравнить свое существование с жизнью способных двигаться, активных, свободных людей. Вместо этого ее выставили на обозрение публики, чтобы приучить к чужому любопытству. Как если бы концепция личности начиналась и заканчивалась измеряемыми лабораторными показателями. Как если бы, сами имея способность страдать, ее создатели отказывали в этой способности другим. «Субъект реагирует на причиняемую боль». Такие ни за что не скажут: *мы делаем ей больно.*

Поведение Никки следующие пять лет внешне мало отли-

чалось от прежнего. Он принимал нейролептики; их прием предписывали с определенного возраста в обязательном порядке. Его иногда вызывали на индивидуальные беседы после споров с учителями, но такое случалось с половиной всех сверстников. Однажды ему изменила девушка, и он завис на грани срыва. Типичные подростковые эмоциональные бури в замкнутой среде многократно увеличивались в масштабах. Все это укладывалось в пределы заданных параметров.

И только раз, единственный раз он не выдержал напряжения и совершил поступок, за который, если бы о нем узнали, Никки неизбежно выгнали бы вон и скорее всего стерли бы ему память. (Такие слухи ходили, их источник невозможно было определить.)

Никки впервые за многие годы позвонил в Ухо доверия с общественного вифона у станции рельсового автобуса, курсировавшего между Пареломом и ближайшим городом, и целый беспросветный час изливал душу. Он пережил катарсис, очищение. Но уже по пути в свою комнату Никки дрожал, преследуемый страхом, что знаменитый девиз Уха доверия «Тебя слышу только я!» мог оказаться обманом. Глупости! Как они узнают? Выползая из Канаверала, щупальца-усики федеральных компьютеров пронизывали общество, как грибница почву. Ни одно место не давало надежного укрытия. Всю ночь Никки пролежал в страхе, ожидая, что дверь вот-вот распахнется и его арестуют угрюмые молчаливые агенты. К рассвету он был почти готов сам наложить на себя

руки.

Чудесным образом катастрофы удалось избежать. Через неделю пугающее побуждение к самоубийству позабылось, превратилось в неясный сон. Единственным, что крепко засело в памяти, был ужас.

Никки решил больше не делать таких глупостей.

Вскоре он начал активно, жертвуя другими предметами, заниматься методами обработки данных. Каждый четвертый ученик уже выказывал склонность к какой-нибудь специализации, его собственные задатки высоко котировались. (Никки объяснили, что с точки зрения теории n -значения среднего пробега управление тремя миллионами жителей Северной Америки представляет собой детерминированную задачу, но, как в случае с шахматами или игрой в фехтование, нет никакого смысла утверждать о наличии идеального искомого, если для его поиска методом проб и ошибок не хватит периода существования целой вселенной.)

Поначалу после прибытия в Парелом Никки держался замкнуто и сдержанно. Поэтому никто не удивился, что после некоторого дрейфа в сторону открытости, он опять вернулся к прежним затворническим привычкам. Ни учителя, ни друзья не догадывались, что он изменил поведение неслучайно. Юноша хотел вырваться на волю из места, где выход на волю не предусматривался в принципе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.